

Глава 1. Счастье вдруг

В конференц-зале душновато, и мне ужасно жмут новые лодочки. Надо было их разносить, но черт возьми, так и не привыкла не трястись над новой обувью, вечно боюсь поцарапать, испортить и остаться перед торжественным мероприятием без обуви. И пусть с этими лодочками у меня в гардеробной два шкафа, невозможно так вытравить из подкорки девочку из нищей интеллигентной семьи, которой новые туфли покупали раз в год — на первое сентября или Новый год. И причем всегда был выбор — либо платье новое, либо туфли. Ох, детство, детство, ты ушло, и леший с тобой!

— Полина, скажите, как вам пришла в голову идея писать книги?

Довольно привычный вопрос. И я начинаю отвечать на него раньше, чем успеваю подумать. Ну, обычное явление в разговоре с такой болтушкой как я.

— Знаете, у меня никогда не возникало какой-то конкретной идеи «взять и стать знаменитой писательницей», я просто писала книги. Постоянно. Это было моей вредной привычкой с пяти лет. Только тогда писала я короче и печатными буквами. Ах да, и с картинками, обязательно, чтобы точно все поняли, о чем я пишу..

Зрители в зале посмеиваются, а я продолжаю:

— Довольно долгое время я просто писала, потому что так вышло. И были друзья, которые меня читали, но до меня вообще идея стать писателем не доходила. Есть ощущение, что тогда в моей голове были только идеи для историй, другие мысли туда совершенно не помещались.

Справа хмыкает в кулак Паша, представитель издательства.

— Если подводить итоги, то я, наверное, долгое время так и продолжала бы просто писать, если бы в моей жизни не было Эли Кольцовой. Я ведь уже не в первый раз говорю, что именно Эля была моим первым читателем, видимо, поэтому у неё такие закаленные нервы.

Подружка округляет глаза, намекая, что я уже перебарщиваю, но увы, я так и не научилась не смеяться над самой собой.

— Ожидали ли вы такой успех? Думали ли вы, что станете известной писательницей?

Журналистов немного, штук пять, но и это круто на самом деле. Не так уж много в России хороших журналов, которые пишут или говорят о литературе. Зато остальная куча народу — мои читатели, явились на автограф-сессию. На самом деле потрясающие люди. Была б моя воля — обняла бы каждого лично, но имидж, блин, имидж. Почему нельзя было выбрать мне имидж обнимательного хомячка? Хотя, наверное, я б при этом смахивала на городскую сумасшедшую, но все же было бы легче, чем прикидываться этакой светской львицей.

— Знаете, когда я начинала писать книги, я была маленькой девочкой. Успех? Тогда для меня было успехом, если подружка просила у меня следующую тетрадку с моим “р-р-романом”, а мы с ней говорили именно так и обязательно с придыханием. Нет, я не ожидала большого успеха, мне казалось что если мою историю кто-то прочитает — это уже будет большая победа.

Эля, сидящая рядом со мной, самодовольно улыбается. На самом деле она имеет на это право. Мой семикрылый серафим, которая притащила меня за шкурку в издательство, когда я в себя категорически не верила. Ну кому нужны те любовные истории, скажите, кому их мало? Двадцать первый век, здесь про секс и романтику каждый первый утюг вещает.

Нет, это Элька орала на меня матом, практически выдрала у меня флешку с файлом романа, сама разослала его по всем издательствам. Я её заколебала канючить и ныть. Когда не пришли ответы по первому роману, Элька рассылала второй и третий. Ничего удивительного, что именно она уже пять лет является моим литературным агентом.

— Вопрос к Эльвире Кольцовой как к профессионалу своего дела. Вы пять лет сотрудничаете с Полиной. В чем секрет успеха Полины, как вы думаете, Эльвира?

Ну началось. Сейчас эта коза начнет “отвечать мне взаимностью”, твердить про мой заоблачный талант, про потрясающие истории, про нашу с ней космическую дружбу... Хотя ладно, последнее хотя бы правда.

В чем секрет моего успеха? Да понятия не имею. Я просто пишу книги. Я делаю это каждый день, пишу по три-четыре страницы, за два месяца набегаёт книга. Эля говорит, что моя работоспособность — самый главный мой талант.

Вдохновение? Какое вдохновение? Когда тебя рвут на части семь историй сразу — это оно? А когда с температурой под сорок, когда час назад даже безжалостная Эля загнала тебя под одеяло, а ты находишь себя за ноутбуком, потому что не можешь уснуть с ненаписанным на сегодня лимитом слов? Оно? Вдохновение? По мне — походит на одержимость. Но... Это моя одержимость. И я её очень люблю.

Журналисты допрашивают Элю, допрашивают Наташу, моего редактора и первого представителя издательства, пропустившего мою книгу в печать. Паша — директор издательства. Самые верные мои друзья. Те самые, которые хвалят меня - абсолютно искренно, и этим они бесценны. Помню первую свою пресс-конференцию, выходила с неё красная как рак от смущения, до того они меня нахвалили. Теперь я уже привыкла.

Временами я что-то вставляю в рассказы ребят, в перерывах разглядываю зал в поисках знакомых лиц. Замечаю Костю в углу, слегка ему улыбаюсь. Пришел, все-таки пришел.

Рядом с ним стоит мужчина. Высокий, зрелый, с сединой в темных волосах. Лицо, кстати знакомое. Правда все-равно далековато, чтобы я поняла, кто передо мной из моих знакомых.

Приятный. Есть что-то у него в выражении лица, что сразу меня к нему располагает. Я доверяю этому чутью, никогда оно меня не подводило.

Хотя нет — один раз все-таки подвело. С Димой. Но эту ошибку я уже исправила.

К автограф-сессиям невозможно привыкнуть. Особенно современной мне, которая ручку в руки берет, только когда подписывает очередное приложение к договору о сотрудничестве в издательстве. Автографов же обычно приходится давать этак пару сотен, и это хорошо, потому что на конвентах их обычно по полтыщи. Не то чтобы я

жаловалась. Мне безумно круто от того, что столько людей приходят ко мне, чтобы я росчерком ручки превратила их экземпляр моей книги во что-то уникальное. Для них моя подпись — это почти что драгоценность. Офигительное чувство, вот правда. А пять лет назад я с круглыми глазами читала свой первый договор от издательства.

“А что, мне еще и деньги за это платить будут?”

Элька рвала на голове волосы, типа: “Почему мы не сделали этого раньше?” Но... Она знала, почему мы этого не сделали. Потому, что четыре черных года я не писала вообще. Потому что талантливый писатель у нас был Дима, а я должна была обеспечивать его тылы. Глажка, готовка, уборка, да и работу никто не отменял! И вот, четыре года я эти тылы обеспечивала, Дима пробился в киносценаристы, и на следующий же день после заключения контракта собрал чемодан и положил передо мной копию поданного в ЗАГС заявления о разводе.

Вот так вот. И первая моя книга, пошедшая в печать, была написана в год, когда я отходила после развода. Когда мрак в моей душе сгустился настолько, что хотелось, чтобы хоть в моей фантазии эту темень что-то развеяло.

Развеял.

“Чужой золотой мальчик” и развеял, и боже, как я тогда была рада, что его написала. Аж дышать легче стало. А дальше — дальше пошло, и зря я боялась, что потеряла форму, что разучилась придумывать истории, отнюдь. Их будто даже больше за моей спиной столпилось, и с той поры повелось — одну книгу пишешь, две придумываешь походу.

Костя подходит ко мне, когда от меня отходит последняя читательница. Деловой, собранный Костя. Обязательный, как и всегда. Я прекрасно знаю, что у него в издательстве много дел, но он все-равно явился, чтобы поддержать меня на конференции. Улыбается, глядя на меня. До меня правда только через минуту доходит, что неплохо бы ему и взаимностью ответить, но ладно. Лучше поздно, чем никогда, так ведь?

Тот незнакомец — с ним.

— Госпожа Бодлер, — улыбается он, ловя мою руку, касаясь губами.

Ну ладно, вообще-то не Бодлер, вообще-то Иванова, но Полина Иванова — довольно скучный псевдоним для автора любовных романов, а Полина Бодлер — весьма-весьма звучно. И мне нравится звучание псевдонима, я прикипела к нему как ко второй коже.

— Полли, это Дмитрий Владиславович Кирсанов, очень хотел с тобой познакомиться, — замечает Костя в ответ на мой вопросительный взгляд.

И боже, да, я действительно замираю. Может ли такое быть вообще?

— Кирсанов? — переспрашиваю я, силясь удержать на лице спокойствие. — А вы случайно не...

— Случайно да, — Дмитрий слегка склоняет голову, а я лихорадочно размышляю, не осталось ли у меня хоть открытки, чтобы взять автограф.

Кирсанов! Сам! Тут! Хотел со мной познакомиться!!!

Да у нас в стране никто не снимает полнометражных смотрибельных романтических мелодрам, кроме него. Все сплошь вульгарщина и скабрёзные шуточки. Ах, да, и обязательно секс и голые торсы в кадре. Ничего не имею против красивых мужских торсов, но когда количество достоинств у фильма равняется количеству торсов, это довольно грустно.

Но не у Кирсанова, нет-нет-нет. У него все красиво, смешно, он... Да, блин, у меня даже слов обычно нет, когда я выползаю из кино с его фильмов. И слез. И животик я обычно тоже успеваю от смеха надорвать.

Когда у меня лютый кризис, когда я хочу упасть и не писать — я смотрю фильмы Кирсанова и ощущаю себя искупавшейся в фонтане живой воды. Его фильмы — они дарят надежду. Даже такой взрослой, далекой от романтики тете, как я.

— Господи, это вы, — пищит вслух прорвавшаяся изнутри внутренняя фанатка. — Я же обожаю ваши фильмы. Вы даже

не представляете насколько. По четыре раза смотрю каждый фильм в прокате. И Элю смотреть заставляю.

— Так это вам я обязан нашими сборами? — Кирсанов улыбается не ртом, но всем своим живым доброжелательным лицом, от уголков глаз. Везет его жене, вот правда. Сейчас я понимаю, почему у них трое детей. Я бы пятерых этому потрясшему мужику родила, но он моногамен, что действительно удивительно в двадцать первом веке. Но за пятнадцать лет ни одной интрижки, ни одного ребёнка, вдруг заявившегося со словами: “Я ваш сын”. Хотя журналисты с каждым годом копают все упорнее, стремясь отрыть эту сенсацию.

— Признаться, госпожа Бодлер, я ведь тоже ваш поклонник, — дружелюбно произносит Кирсанов. — И моя жена очень просила взять у вас автограф. Она читала абсолютно все ваши книги.

— С удовольствием обменяю свой автограф на ваш. — Честно говоря, я до сих пор не привыкну к статусу “медийной личности”, и к тому, что я, оказывается, могу общаться с такими мужиками на равных. Но я могу, на самом деле могу смеяться, обсуждать какие-то бытовые мелочи, касающиеся пишущегося нового романа, могу на равных обмениваться с Кирсановым томиком свежееотпечатанной книжки, с моим автографом “Для замечательной Надежды” и принимать билет на предпоказ свежего фильма.

А-а-а-а!!!

Мне будет завтра на что сходить! Я между прочим сама пыталась их достать, но мне не хватило «медийного размаха» личности, там же сразу все билеты свои разбирают.

Еще и с автографом. Боже! На стенку повешу. Под стекло. Дипломчик какой-нибудь выкину, их дофига у меня, а билет с подписью Кирсанова — один.

— Вы будто знали? — я пытаюсь быть внимательной, а то сейчас все сильнее ощущаю, что уж больно похожа на восторженную глуповатую блондинку.

— Я проводил разведку, — тоном профессионального суперагента сообщает мне Дмитрий, а потом красноречиво косится на Костю. М-м-м-м, обожаю этого мужчину. Иногда он умеет преподносить действительно крышесносные сюрпризы.

— Полли, вообще-то Дмитрий Владиславович здесь не просто так, — будто невзначай замечает Костя.

— Ах да, — Кирсанов спохватывается, будто у него совершенно вылетело из головы что-то важное. — Полина, мне же можно вас так называть?

— Да, разумеется. — Я настораживаю ушки, потому что это мне действительно в новинку.

— Полина, я хочу снять фильм по вашей “Фее-крестной”, — без обиняков произносит Дмитрий, — что вы об этом думаете?

А я...

А я, кажется, все-таки буду выходить с этой конференции красная, как вареный рак.

А-а-а-а!!!

Остановите землю, принесите лед! Много льда!! Мне подвезли исполнение самой безбашенной мечты моей жизни!

Он бы еще спросил: “Что вы думаете о том, что я подарю вам Луну”.

— Я согласна! — выдыхаю я и вцепляюсь в руку мудрой Эльки. Уж она-то знает, что я сейчас почти готова упасть в обморок от счастья! В неё-то я уже не один раз об этом всем мечтала.

— Эй, а разве приличная женщина не должна сначала подумать? — смеется за моим плечом Паша.

— Принеси мне шампанского, изверг. Я — не приличная. Я — согласная прямо сейчас, — тоном шальной императрицы отзываюсь я.

А дальше — дальше болтовня. По делу, разумеется, по делу. Меня будет экранизировать Кирсанов!

Меня!

Кирсанов!!!

Господи, как хорошо, а.

Что может испортить этот миг моего писательского неподдельного счастья?

Ответ на этот вопрос я получила довольно быстро...

Глава 2. Минус на плюс

Хорошее утро может начинаться как угодно. Его ничто не испортит, даже то, что любимый кофе взял и закончился. Мне вообще некогда его варить! Я вообще-то проспала и почти опаздываю. Так что плевать мне на кофе, таксист, вон, под окном уже стоит, а я ношусь по квартире и ищу любимые духи.

Хорошим утром можно даже сломать каблук на сапоге и, вот знаете, наплевать. Сбегала домой, сунула ноги в ботинки на каблучке пониже и подтверже, надбавила две сотни таксисту за ожидание и по-прежнему бодро и весела.

Нет, серьезно. Абсолютно неважно, что происходит вокруг. Пусть меня сегодня убьют, но я умру совершенно счастливой. Вчера подписали договор о покупке исключительных прав на экранизацию. Пять лет я не имею права продавать никому прав на экранизацию, а то любезный и очаровательный Илья Владиславович Кирсанов затаскает меня по судам. Впрочем... Знаете, я не верю, что Кирсанов сможет снять плохую экранизацию. “Золотая туфелька феи-крестной” — любовный роман с красивым хэппи-эндом. Киношники часто перевирают тексты, но с любовными романами это все же делают гораздо меньше. Да и зачем?

Боевики всякие, фэнтези, в котором автор размахнулся во всю ширь своей фантазии, а компьютерная графика режиссерам такой размах не позволит. Но у меня-то роман! Любовный! Про русских людей. Что там перевирать, если вся суть — в отношениях героев? Ну, единственная проблема — половина событий книг в Париже происходит, интересно, как эту проблему решат? Но, на крайний случай, мы же можем и перенести куда-нибудь в Россию события. Я — девочка уступчивая.

Если честно, Кирсанов мог вообще все под себя переделать, оставить мне от текста имена главных героев, а я бы только восхищенно ахала и смотрела ему в рот. Простите. Обожаю его фильмы! Давно уже обожаю, лет с пятнадцати. А после развода вообще как-то неделю только его и смотрела, приходя с работы. И жалела, что он так мало снял.

Таксист мне попался на диво болтливый. Иногда мне кажется, что от отсутствия чаевых они начинают давить на клиента вербально, чтобы им сунули какую-нибудь крупную купюру “лишь бы замолчал”. Я узнала все — сколько лет он таксует, в каком поселке купил себе квартиру, какой бассейн у него рядом с домом, количество детей и внуков и сколько раз у него ломалась его машина. Впрочем, я писатель, я не жалуюсь. Я аккумулирую всю информацию, что вокруг меня происходит, а после — вплетаю это все в книги. Если какая-нибудь моя героиня в следующей книге наткнется на миллионера, развлекающегося таксованием — прошу во всем винить во этого колоритного персонажа с гордым орлиным профилем. Как там его? Дамир? Еще и имя-то какое гордое. Чудесно.

Дамир высаживает меня у Останкино. И я сразу замечаю долговязую фигуру Эльки. Подруга, уже нахохлившись, стоит на ступеньках телецентра на ветру и кутается в бежевое пальто. В ладонях у неё два стаканчика с кофе. Больших стаканчика с кофе.

— Опять опаздываешь, Полли? Договаривались же прийти пораньше, — мрачно хмурится подружка, и до меня доходит, что в своей войне с каблуками и общении с болтливым Дамиром я не скинула ей даже СМС-ки. Ай-яй-яй, госпожа Бодлер, вам не стыдно?

— Прости, богиня, я такси проспала и сапог захромал, спасибо, это же мне? — радостно выдохнула я, выхватывая тот стаканчик, на котором прилеплен зеленый стикер с надписью “ореховый сироп”. Мой любимый, да. Элька не портит кофе “этой приторной вонючей гадостью”.

— Тебе, конечно, — усмехнулась подружка. — Признавайся, опять до трех не ложилась?

— Тебе меня Костя сдал? — поинтересовалась я, подозрительно щурясь. Было что-то в тоне Эльки такое, что выдавало, что она не предполагает, а знает.

— Прекрати уже динамить мужика, у него скоро комплексы будут из-за своей мужской несостоятельности, — фыркнула Элька.

— Мне книгу через две недели сдавать, между прочим.

— Ага, а потом начинать еще одну. И что, у вас кровать так и будет плесенью зарастать?

— Ну не знаю, — я чуть сморщила нос, — ты же знаешь, что я не фанат этого всего.

Элька прищурилась, разглядывая меня с видом “да знаю я тебя, какой ты не фанат”. На самом деле — когда-то была фанаткой. Молодая была, озабоченная, готова была сутками из постели не вылезать. Но сейчас — сейчас перестала на этом циклиться. Сейчас мне было скучно. И Костя... Косте нужно было поставить памятник, я не представляю, как он от меня еще не сбежал. Ведь нормальный мужчина, симпатичный, спокойный, вечно меня поддерживал, почему же он меня никак не зажигал? Вот почему в голову лезет один только мудака? Терпеть не могу эту вот сторону своего характера.

Вот что веселого в том, что при выборе между хорошим парнем и мудаком, ты вроде мозгом определяешь, что тебе нужен хороший, а в душе-то при воспоминании о мудаке все так и норовит ёкнуть?

В телецентре было все. И гардеробная тоже, и гардеробщицы, на чьих лицах была заголовочным шрифтом выражена вся их нелюбовь к толпам зрителей, шастающим на съемки всяческих шоу.

— Мы даже не опаздываем? — Элька покосилась на часы на собственном запястье. — Удивительно, при твоём-то захромавшем такси.

Злыдня. Хотя она права, я могла приехать и побыстрее. Просто не ожидала от любимой пары сапожек такого предательства. Хорошо, что лодыжку не вывихнула.

— Как я выгляжу, лучше скажи? — Я крутанулась перед Элькой на пятках. Костюмчик у меня хоть и брючный, но нежно-розовый. И блузка белая с черным бантом на груди. Вкупе со свежим блондом — смотрелось очень недурно. Нежно так, романтично. По крайней мере утром мне так показалось.

Нежная нюдовая помада на губах, чуть припудренные скулы. Я наносила немного макияжа, ровно столько, чтобы не чувствовать себя размазанной куклой. Я не особенно люблю краситься, но сегодня не удержалась. Очень уж хотелось чувствовать себя на высоте. И кажется, вышло. Только ботинки эти... Сапожкам проигрывали.

Ох, до чего много в моей голове девчачьей мути. Когда успела так огламуриться? Хотя это Элька все с её: “Автор любовных романов не может постоянно ходить в джинсах. Для имиджа это вредно”. Ну и вот. Имидж есть, мозгов — кажется, не очень много осталось.

— Жакет длинноват, — задумчиво замечает Элька. — Не портит, но смазывает.

Так, пожалуй, сниму-ка я его. Все-таки длинноват. Его я могу и в руках поддержать. А дойдем до кабинета Кирсанова — кину куда-нибудь на спинку стула и забуду.

— Да, так лучше, и бант поправь, — замечает подружка, а потом коварно улыбается. — Ты же помнишь, что Илья Владиславович женат, да?

— Помню. И даже не собиралась делать ничего, на что ты намекаешь! — я оскорбляюсь в самых глубоких чувствах. Я и вправду не собиралась. Серьезно. Но почему-то показываться на глаза Кирсанову чучелкой не хотелось. Я и так слишком часто походила на городскую сумасшедшую, и это был еще один момент испытания мужества Кости.

Нормальные женщины могут быть не покрашены с утра, а я — в любое время дня и ночи. Меня может озарить в три часа ночи каким-нибудь новым сюжетным поворотом, и со всклокоченными волосами я ринусь за клавиатуру, разбудив при этом гостящего у меня мужчину. В каком я виде при этом возвращаюсь в постель — лучше не вспоминать. При свете

дня такие жутики лучше не показывать. Особенно — симпатичному мужчине, вокруг которого крутилось довольно много привлекательных и ухоженных девушек. Тем более, что должность рекламного менеджера в издательстве, занимающегося печатью романтической литературы, добавляла Косте не одну сотню к показателям обаяния. А он выбирал меня. Вопреки всему! Возможно, именно потому, что мне-то от него продвижение было не нужно. Но долго ли он еще вытерпит со мной?

Костя может прийти ко мне на ночь, а я могу целый вечер бегать по дому в каких-нибудь растянутых спортивных штанах, тряся руками и пытаюсь придумать решение какой-нибудь проблемы, возникшей в моей истории. Нет, я не чувствую себя комфортно в такие моменты. Серьезно. Я вообще не понимаю, как Костя еще свои вещи не собрал и не порвал уже со мной. Я же жуткий эгоцентрик, иногда по полдня только о книжке и могу говорить. Не затыкаясь. А он — он меня слушает. Бесценный мужик, вот правда. Или могу вообще не говорить — как уйду глубоко в себя, так про все забуду, не слышу адресованных мне вопросов, да вообще ничего не слышу.

И нет, Костю это не напрягает. И надо бы уже выдать ему ключи и съехаться с ним по нормальному, наконец, а я все еще не готова делить с ним свой шкаф, свою квартиру и свою жизнь по-настоящему. И это свинство с моей стороны, но решение этой проблемы я постоянно откладываю на потом.

— Ладно, идем уже, — ворчит Эля, пока я верчусь у зеркала и оправляю складочки на блузке. — Будем смотреть на сценариста Кирсанова. Илья Владиславович его мне прям распиарил. Только имя не назвал, но я уже заочно в курсе, что там крутой специалист. Говорят, у него сценарий для фильма уже на две трети написан.

Эх. Аж на две трети. Мои мечты такие розовые в этот момент, что кажется, что мой блонд дан мне не парикмахером, а боженькой от рождения. Так, соберись, Полли, тебе сейчас о делах общаться. Хотя ладно, я соберусь, я себя знаю, но пока мы не сели за стол, и передо мной не положили сценарий — можно и повитать в облаках. Там я перейду в рабочий режим,

и только-то. Тем более, что витать в облаках мне осталось совсем недолго.

Нам везет. Мы попадаем в пустой лифт. Только на кнопку нажали, как в кабинку влетает взъерошенный мужик.

Разглядеть его я не успеваю. Потому что мужчина влетает и врежется не в кого-нибудь, а в меня. А у меня кофе в руке... И от удара со стаканчика слетает крышка и по блузке на моей груди растекается темное пятно. Горячо, блин... Я смотрю на это пятно и отрешенно размышляю на тему того, что нет, все-таки, кажется, вселенная не очень хочет, чтобы я сегодня выглядела прилично. Нет, носить пару запасных колготок в сумке — нормально. А что делать сейчас? Метаться по кварталу в поисках магазина, в котором можно купить новую блузку? Заставлять Кирсанова ждать? Пожалуй, это даже страшнее, чем явиться к нему в таком затрапезном виде.

— Простите... — хрипло произносит мужчина, и я не успеваю подумать, что голос мне что-то знаком, потому что он вдруг удивленно добавляет: — Полина? Это ты?

Увы. Бывают такие дни, в которые как ни пытайся быть оптимисткой и смотреть на мир сквозь радужную призму — все равно они упорно станут для тебя паршивыми.

Нужно сказать, я пыталась, я правда пыталась. Я была твердо намерена следовать намерению “во что бы то ни стало остаться в хорошем настроении”. И все-таки потерпела поражение на этом пути.

В свое оправдание скажу — я искренне верила этим утром, что в одном огромном телецентре смогу избежать столкновения со своим бывшим мужем. Не вышло.

Глава 3. Ни мира, ни войны

Скачано с сайта <https://bookseason.org>

— Димочка, пять лет тебя не видела, а ты все такой же фееричный, — шипит Элька.

— Да ты тоже, знаешь ли, как была стервозиной, так ни капли не изменилась, — цедит мой бывший муж, вжимая палец в кнопку четвертого этажа, — а в весе кстати ты прибавила, Эльвира, на диету сесть не хочешь?

Хамлом был, хамлом и остался. И тогда между ним и Элькой была вот эта “анти-химия”, что они регулярно сцеплялись между собой, так что в их склоке сейчас для меня ничего нового нет.

А вообще Элька терпеть не может Варламова. Во-первых — за год моей черной постразводной депрессии. Во-вторых — за те четыре года, что я писала по два абзаца текста в день, по вечерам и тайком. И она права, если бы не Димочка — я бы подписала контракт с издательством гораздо раньше. Мне же предлагали. Но Дима взбрыкнул, сказал, что не сможет быть тенью жены, и потом: “Ты писать будешь, а я что? Посуду мыть и борщ варить? Спасибо, не хочу, не мужское это!”

Вот смотрю сейчас в серые Димины глаза и понимаю, что и меня он тоже бесит. Что, в принципе, неудивительно. Эх, ну вот почему меня не пронесло, а? А еще говорят, что совпадения дурацкие только в кино бывают.

Нет, я в курсе, что он все еще на конктракте с телецентром, как мелькала его фамилия в титрах мыльных сериалов одного из центральных каналов, так и мелькает. Но все-таки почему меня не пронесло?

К моему сожалению, Варламов будто и не постарел совсем. Будто заложил душу дьяволу или стал вампиром — по-прежнему кажется сладким мальчиком без возраста, даже с этой трехдневной щетиной. Да и мажорская стрижка ему идет. Увы. Вот так посмотришь на Варламова и поймешь, что сценарист — вообще не самая последняя должность в кинопроизводстве. Фактурный мужчина — так про него всегда говорили, а сейчас наверняка говорят еще чаще.

А вот я, точно знаю — стала выглядеть старше. Уже нет светлой наивности во взгляде, между бровями лежит морщинка, кожа уже не лоснится юной свежестью. Когда тебе за двадцать пять, тебе уж ягодкой не стать. Как-то так, да.

Как бы мне хотелось встретиться с Варламовым в обратных условиях, когда я вся такая красивая, сияющая и совершенная, а он — постаревший, пополневший и в заляпанной рубашонке. Неа. Не повезло. Его синий пиджачок и сидит-то идеально на его плечах, а еще Дима, кажется,

подкачался. Тьфу ты, пропасть какая, а при мне-то он на тренажерку время не тратил. Не для творческого человека хобби!

А рубашечка-то наглаженная, видать, последняя его актрисулька даже с утюгом обращаться умеет. Первая-то, та, к которой он от меня ушел, не умела, и Дима полгода на фотках в соцсетях мелькал в одних только майках и футболках.

Да, я смотрела! Еще скажите, что никто так не делает. Сигаретами же ему глаза на свадебных фотографиях не выжигала, и пусть скажет спасибо. Еще бы мужества хватило выкинуть те фотографии, вот тогда бы я была совсем молодец. А нет, не выкидывала, хранила на дальних антресолях, чтобы Костя точно не нашел. Ну, я-то на тех фотографиях была красивая. И дура я там была тоже, но зато красивая!

Так, Земля вызывает Полли, Полли, как слышно?

Давай ты не будешь пялиться на мудака Варламова и беситься, что он слишком хорошо выглядит. Нет, круто было бы, конечно, если бы он прямо сейчас понял, кого потерял, но не судьба так не судьба.

Давай все-таки сконцентрируемся на проблеме огромного кофейного пятна на блузке, которое уже успело остыть. Я же не могу появиться перед Кирсановым в таком виде! А лифт меж тем уже остановился. И да, нам с Элькой ведь тоже на четвертый этаж.

— Эля, поддержи дверь, — хмуро выдохнула я и пихнула Диме в ладонь злополучный стакан с остатком кофе. Аккуратно пихнула, может, долг и красен платежом, но кофе мне реально жалко на этого придурка тратить. Тем более что мне точно потребуется какой-нибудь очень сладкий антидепрессант, как только я оставлю Варламова за своей спиной. Настроение-то уже сползает куда-то в минуса. А какое это было офигенное утро! Впрочем, Варламов умеет портить все хорошее, к чему прикасается.

Подружка кивает и зажимает кнопку закрытия дверей.

Глядя на Диму взглядом василиска, я расстегиваю испорченную блузку.

Знаете, почему я на него смотрю и даже не отворачиваюсь? Да потому что да, очень хочу посмотреть, как у этого утырка глаза на лоб полезут. Поля Варламова такой отчаянной не была и раздевалась только в комнате с задернутыми шторами и выключенным светом. Нужно сказать, я очень долго боролась с этими комплексами. И с другими комплексами тоже.

Но я сейчас — не Поля Варламова, я — Полина Бодлер, а она — точно не пожалеет об этой маленькой провокации, направленной на одного конкретного, раздражающего её мужчину.

Дима старательно смотрит мне в лицо. В лицо, да, хотя я с триумфом замечаю, как его взгляд то и дело норовит соскользнуть ниже. Край губы у него дергается, выдавая подавляемую усмешку.

— А вот ты явно похудела, Полли, — хрипло замечает Варламов. Все-таки сползли глазки, не удержались на лице.

— Конечно, похудела, — осклабилась я. — Мозг никто не выносит, стресса нет, заедать нечего.

Ну, еще, конечно, есть в этом “вина” диетолога и хорошего тренера по йоге, но это не дело бывшего мужа.

— Тебе так очень хорошо, — миролюбиво улыбается Дима. Прямо очаровашка. Ух, как же бесит, а!

— Вот только твоих комплиментов мне для счастья и не хватало, — я раздраженно скривила губы, промокнула кожу на груди сухим краем блузки, а потом набросила на плечи жакет. Придется надеть его так, на голое тело. Одна проблема — вырез низковат, видно ложбинку между полушариями груди, но черт с ним. Лучше выглядеть сексуальной, чем недотепой.

Когда застегиваю жакет, замечаю, что Дима выглядит слегка разочарованным. Что, мало попялился? Может, все-таки и не совсем я потерпела крах в намерении произвести на него впечатление при встрече. Хотя... Ну вот чего он там не видел,

а? И такое прям ощущение, что его актрисульки все сплошь плоскогрудые. Хотя, если и так — это вообще не мое дело.

— Нормально? — спрашиваю я у Эльки, та кивает и отпускает кнопку, давая дверям наконец разъехаться. Я шагаю к двери лифта.

— Не нормально, а отлично, — шепчет Дима интимно, склоняясь к моему плечу. — Так гораздо лучше, чем с блузкой, можешь поверить мне как мужчине.

Краем сознания я припоминаю, что Дима терпеть не может оценки “нормально”. Это, мол, слишком никакая оценка. Лучше, мол, сказать что все хуже некуда, чем “нормально”.

— Меня интересует мнение человека со вкусом, — отрезаю я, подавляя в себе острое желание пихнуть Варламова локтем в печень. Борзость характера у моего муженька как всегда запредельна. Но я держусь, ибо если дам волю рукам — точно проиграю в нашем с ним словесном поединке. Пусть этот поединок и ведется только с моей стороны.

— А ты хорошо держалась, — одобрительно замечает Элька, когда мы пробираемся вдоль по коридору среди спящих тут туда сюда людей. Здесь шумно, очень шумно. Краем глаза я замечаю Лолу Кравиц — молодую звезду нашей эстрады, но за автографом к той звезде не пробиться — и сама-то Лола выглядит загнанной и уставшей, но великодушно раздает автографы и позволяет с собой сфотографироваться. Вот где истинная слава, не то, что мои пара сотен подписей на литературных конвентах. И пожалуй — мне такой не надо. Не умру.

Хорошо ли я держалась в компании Варламова? Ну, для женщины, которая год начинала рыдать только от услышанного где-то имени “Дима” — да, наверное, неплохо. Я была бы рада, если бы он меня бесил меньше. Это бы означало, что я все-таки начинаю исцеляться от его предательства. Безразличие — вот настоящий показатель исцеления, а никак не неприязнь.

Мы с Элькой долго петляем по коридорам четвертого этажа, успеваем понять, что пошли не в ту сторону, и кофе в моем стаканчике все-таки заканчивается.

На обратном пути Лолу мы уже не видим, кажется, наша звезда устала и все-таки укатилась из поля зрения зевак.

Где-то даже вопреки хорошей звукоизоляции слышен сильный голос Александра Малкова, влажной мечты русских женщин от пятнадцати лет. Ну, он и моя мечта тоже, если брать меня в расчет, разумеется. Я бы сунула нос на него посмотреть вблизи, да кто бы меня пустил в зал во время съемок?

До сих пор не могу поверить, что нахожусь здесь. А когда вспоминаю, зачем я тут — верить становится еще сложнее. Но все-таки мысли об этом потихоньку восстанавливают мое настроение. Ну, подумаешь, столкнулась с Варламовым. Работать-то я буду не с ним, а со сценаристом Кирсанова.

— Даже не спросил, зачем ты в телецентре, — замечает подружка, будто подчеркивая, что Варламову все также плевать на какие-то мои дела.

— Да пофиг уже на него, — произношу я, хотя в копилочку это наблюдение откладываю. Вот когда на меня снова накатит тоска от скуки с Костей, когда будет казаться, что Дима был лучшим мужчиной в моей жизни — я с удовольствием достану свой список варламовских недостатков, перечитаю его, и мне полегчает. Всегда полегчает.

А Косте, между прочим, не плевать. Вчера даже костюм для выхода мне выбрать помог. Два часа со мной по магазинам шастал. Даже от телефона взгляд отрывал не только когда я из примерочной выходила. Мужественнейший человек, хоть памятник при жизни ставь. Вот тебе и еще один список в копилку Костиных достоинств. А ты, Полли, все еще думаешь, стоит ли тебе с ним съезжаться? Сколько он с тобой? Два года? И все еще ходит гостевать? Тебе не стыдно?

Боже, мы наконец-то видим перед собой заветную дверь с табличкой “Кирсанов”. Да не может этого быть! Нашли? Не заплутали? А медаль героя можно?

Все лишнее тут же вылетает из моей головы. Особенно одна смазливая физиономия с наглой ухмылочкой. В конце концов, тут вопрос моей мечты решается, а я все Варламова никак из головы выбросить не могу.

Элька стучит в дверь кабинета, мы таки слышим густой кирсановский голос: “Да-да, входите”. Слушаемся. Да, мы иногда такие послушные бываем, прям жуть.

Вот только Элька останавливается прямо на пороге кабинета Кирсанова, мне приходится даже чуть подвинуть её плечом, потому что иначе мне не пройти. А потом я замираю вместе с ней.

— Говоришь, имя сценариста тебе не называли? — тихо спрашиваю я.

— Да, — слабым голосом откликается Элька. — Не называли. И, кажется, я поняла почему...

— Я, кажется, тоже...

Потому что... Да, знай я об этом еще вчера, наверняка бы отказалась от пункта в договоре, где требуется авторское присутствие на съемках и совместная работа со сценаристом.

Нужно сказать, Илья Вячеславович на этот наш с Элькой диалог и ухом не ведет. Он вообще сидит за рабочим столом и внимательно читает текст с лежащей перед ним распечатки. Ему, откровенно говоря, не до нас.

А рядом с его столом в черном кожаном кресле, соединив пальцы перед собой, сидит Дмитрий Денисович Варламов, собственной персоной. Выражение его лица — триумфальное. Он явно доволен произведенным эффектом. И нет, очевидно, что он здесь точно не по ошибке. И да, именно поэтому он и не спросил, зачем я в телецентре. Он знал!

Боже, как меня бесит его довольная физиономия.

Хотя да, пакость удалась прекрасно, с этим я даже спорить не буду.

Продолжение следует...

Глава 4. Дима

Полли взрослеет.

Это я могу сказать совершенно точно.

Ей идет зрелость. Ей настолько идут эта зрелость и самооценка, что от одного взгляда на неё у меня перехватывает дыхание. И кто бы мне еще сказал: “Окстись, Дима”...

Это не девочка для секса, не актриска, которой очень нужно, чтобы ты порекомендовал её режиссеру хотя бы на эпизодическую роль в сериале. Не та, кто упорхнет уже через пару недель.

Нет, Полину нельзя равнять даже с половиной рассекающих между студиями профурсеток. Передо мной настоящая шикарная женщина.

И, мать твою, Дмитрий Денисович, перестань сползать глазами в этот чертов вырез её пиджачка. Да, вкусный вырез. Не повод. Имей совесть, хватит пялиться на свою бывшую жену.

Что поделать, Полина совершенно точно знала, как выбить меня из колеи. И она-то, может, и не догадывалась, как я на неё реагирую, но этот взгляд... В нем была вся она, твердая, негибаемая, дерзкая, какой я её помню. Такая, которую я чуть не убил своим чёртовым кризисом.

Отличница с факультета журналистики, которая могла переспорить любого лектора, если была убеждена в своей правоте. Та, в которую я два месяца проходил безнадежно влюбленным, пока наконец не додумался пригласить её в кино.

Красивая. Красивая была тогда, красивая и сейчас. Только сейчас она до того не моя, что хочется кого-нибудь придушить. Хоть ту же Кольцову, ну а что она, просто так приперлась, что ли?

Полли не говорит больше ни слова, просто безмолвно садится на диван напротив, закидывает ногу на ногу и смотрит на меня уничижительно. Мой счет, кажется, пополнился сейчас.

— Димочка, мы так скоро увиделись, я даже не ожидала, — Кольцова как всегда бросается в бой. И я вроде знаю, почему она так меня не переваривает, но всё равно. На неё мне плевать.

— Это очень крутой проект. Я работаю с Ильей Владиславовичем второй год. Да, я предложил ему свои услуги, — меланхолично замечаю я, разглядывая тонкие пальчики Полли. — Можешь сказать спасибо, Эльвира. Сейчас сценариста лучше меня вам просто не найти.

Да и не хочу я, чтобы к тексту моей Полли прикасался хоть кто-то из штата сценаристов Кирсанова. Чтобы кто-то другой проводил с ней день за днем, приводя сценарий к золотому сечению? Чтобы он, а не я, пускал слюни на эти красивые ноги, косил озабоченным взглядом в вырез блузки? А вот черта с два. Пусть выкусят.

Да, я сам предложил себя Илье на должность ведущего сценариста. И дурак был бы, если бы не предложил. После начала работы с Кирсановым на меня ощутимо повысился спрос. Поэтому работал, работаю и продолжать с ним работать я буду. Нет, конечно, в своем жанре — я уже один из самых востребованных сценаристов Москвы. Но забраться повыше мне никто не мешает. И я заберусь.

Полина хмурится.

— Ты же терпеть не можешь со мной работать, Варламов, — спокойно произносит она. — Ты же понимаешь, что именно я буду читать твои сценарии, критиковать, находить косяки. Ты уверен, что твоя самооценка к этому готова? Раньше ты к этому относился весьма болезненно.

В яблочко, милая, в яблочко. Прямо стыдно становится за себя, молодого идиота. Был такой грешок. Когда моя девочка начала обгонять меня в творческом росте, она начала подмечать мои недочеты. В какой-то момент понял, что это я гонюсь за ней, пытаюсь соответствовать. И это было довольно неприятное открытие.

— Раньше я не был профессионалом, Поль, — безмятежно улыбаюсь я. — С удовольствием с тобой поработаю. Можешь критиковать, править, ни в чем себе не отказывать. Не откажусь повысить свой творческий уровень.

Сейчас уже эволюционировал и я, и моя самооценка.

Полина недоверчиво щурится. Сложно мне поверить? В принципе, могу понять. От того лишь сильнее хочется доказать, что я изменился. А изменился ли? Кажется, в глубине моей души все еще живет тот идиот, который едва не задушил эту потрясающую женщину своим гнетом и проблемами с самооценкой.

Тяжелые были годы тогда на самом деле. Первые мои годы после университета. С работой то и дело возникали перебои, опыта у меня не было, денег, соответственно, тоже не водилось. В телецентр не брали. Я проваливал собеседование за собеседованием. А в театрах мне было катастрофически скучно. До написания самостоятельных пьес опять-таки меня не допускали, только до обработки какой-нибудь классики. Десять разных адаптаций одного только “Ревизора” за один год. Тоска, а не работа!

Хотя мозг я тогда ломал очень качественно, как сделать так, чтобы один сценарий отличался от другого.

А Полли... Полли творила. Кормила меня ужином после работы, а по глазам было видно, что она уже в мыслях о своих героях. Как я ей тогда завидовал, этой безумной творческой свободе — не описать. Ей не надо было ограничивать себя рамками, говорить “надо”, её не стискивала тесная клетка обстоятельств.

Когда я начал ворчать по поводу того, что она отнимает время у меня всякий раз, когда начинает писать? Я не знаю, но именно за этот шаг презираю себя сильнее всего.

О том, как я перед ней виноват, я, пожалуй, заикаться не буду.

— Илья Владиславович, я могу выпить кофе, пока вы заняты? Здесь немного душно, — Полли это спрашивает у Кирсанова, а смотрит убийственно на меня.

Ну понятно, от кого она сбегает. Да, я в курсе, что сейчас она меня терпеть не может.

Ох, Полли, а ведь нам с тобой год работать. Не меньше. Да, сценарий я начерно почти написал, но ведь только начерно. Именно автор книги обычно вносит принципиальные акценты.

Без тебя тут никак, или твои же фанаты не узнают твоей истории.

— Да, госпожа Бодлер, десять минут у вас есть, — Илья задумчиво отрывает взгляд от обработанного, уже обращенного в сценарий, текста и окидывает нас взглядом, позволяя “волне и камню” разойтись.

Кольцова торопливо вскакивает и идет вслед за Полли. Ну вот её уходу я, пожалуй, действительно рад. Она меня бесит. Хотя и сам виноват, и она тогда была права, но все равно бесит.

Самое паршивое, что бесит Эльвира не столько меня, сколько моего внутреннего собственника.

Я хотел когда-то подарить Полли весь мир. Чтобы именно со мной она поднялась и добилась признания, о котором моя девочка тогда еще даже не мечтала. А вышло...

А вышло, что на четвертом году брака Кольцова зажала меня в угол на моей же работе.

— Ты что творишь, баран, — шипела она тогда, глядя на меня злыми ледяными глазами. — Полька опять отказалась от издания. Ты понимаешь? От гонорарной, мать твою, Варламов, публикации. Её хочет издательство, ты понимаешь? А она не идет!

— А я при чем? — тогда поинтересовался я и этим еще сильнее опустил себя в её глазах.

— Это же ты, кретин, — тыкая острым пальцем мне в грудь, рычала Кольцова. — Ты её душишь. Она из-за тебя отказывается, потому что это ты комплексуешь, самец недоделанный. Потому что она может, а ты — ни фига.

Тогда я огрызнулся, но... Но после начал замечать и сам. Полина тосковала. Она уже не бросалась к клавиатуре всякую свободную секунду, она все чаще говорила о каких-то ужасно бытовых вещах, она выцветала день за днем, неделя за неделей. Не хотела меня задевать, не хотела нарываться на мое недовольство, не хотела травить себе душу и сама. Наверняка же вспоминала про предложения, от которых ей пришлось отказаться.

Она угасала, моя дивная мечтательная девочка, и именно я приложил к этому руки.

В общем, через две недели этих наблюдений мне до того стало тошно от самого себя, что я накатал какой-то совершенно мутный и адский сценарий для сериала. Через месяц мне пришел ответ со студии. Меня взяли в штат. Моя мечта наконец-то начала исполняться.

И я не придумал ничего лучшего, чем сбежать от Полли. Бросить её, предать, но освободить от себя, потому что исправиться у меня никак не получалось.

— Дим, вы точно с ней сработаетесь? — медленно спрашивает Кирсанов, задумчиво глядя на меня. — Между вами слишком много нездоровой неприязни. Это не повредит работе?

От него не укрылся общий тон моей маленькой перепалки с бывшей женой. Впрочем, я его предупреждал, что так будет.

— Все нормально, — откликаюсь я. — Полина умеет держать себя в руках, а её неприязнь я как-нибудь переживу.

Как-нибудь. Между прочим, жить не хочется, когда Полли с такой ненавистью на меня смотрит.

Я ведь тогда рванул, подавая на развод. Самое живое рванул из души, с корнем. Крыл себя матом, четыре раза чуть не передумал, но пути назад не было. Я не умел вести себя с ней иначе, и оставаться с ней рядом, убивать её дальше просто не имел права.

Я же безумно её любил. Наверное, слишком безумно, потому что даже сталкиваясь с ней после развода, не мог не заметить, как сам пытаюсь подойти к ней ближе, как сам ищу повод для разговора. Хотя наши с ней разговоры после развода неминуемо заканчивались катастрофой.

Ну, а кто виноват, что после развода оказалось, что Москва ужасающе тесна, чтобы мы с ней взяли и разошлись?

Сталкивались на рок-концертах, сталкивались на праздниках общих друзей, сталкивались в любимых ресторанах и на театральных постановках. Будто две планеты, которые неминуемо притягивало друг к другу.

Мы столкнулись даже сегодня в лифте, хотя я был уверен, что опоздаю и встречу с Полиной только в кабинете Ильи. Еще и налажал так кошмарно с этим её кофе, стоял и не знал куда себя деть. А она... Зараза, блин. И ведь так и хотелось сказать, пока она застегивала свой жакетик: "Зараза ты, Варламова", вот только фамилию она после развода вернула свою. Это было неприятно. Хотя я и понимал, что не мне ей предъявлять за это. Уже не Варламова. Уже не моя.

Последний раз мы с ней до этого виделись в марте. На юбилее общей знакомой. Полли даже пришлось уехать, лишь бы не испортить Нине праздник окончательно. Кстати, Нина мне это и сейчас напоминает.

И я вроде и сам понимаю, что озабоченный идиот, что вообще с этой заикленностью надо к психиатру, а я не имею права лезть в жизнь Полины, и не мое дело, с кем она пришла на эту вечеринку.

Я это понимал и тогда. Но совершенно вылетело из головы, когда увидел её с каким-то мужиком. Мужик довольно красноречиво приобнимал за плечи мою жену, и я смотрел на это и хотел оторвать ему эти слишком длинные руки. И ведь стремный же тип, абсолютно скучный, по лицу видно. И вот этим она заменила меня!

Я тогда не удержался, явился на веранду, где укрывалась от меня со своим кавалером Полли, уллучил минутку, когда её герой отошел за шампанским и тут же не удержался снова:

— Что за мешок ты надела, Полли? Ты секс только во сне видишь, что ли?

Кретин же? Ну, да. Редкостный. До сих пор хочется самому себе за этот выверт врезать.

Полли не промолчала, Полли ответила.

Нет, она не повышала тона. Только презрительно щурила свои ореховые глаза, шипела как змея, разнося самого меня от "А" и до "Я", начиная с девушки, с которой я пришел: "Что, Димочка, зарплата такая махонькая, что ты можешь прокормить на неё только анорексичку?".

Досталось всему, даже запонкам и парикмахеру. А потом Полина встала, нашла этого своего унылого, которому я ужас как хотел дать по морде, когда он касался локтя моей жены, и уехала домой. Вместе с ним. А я остался в чертовом ресторане, глушить какие-то коктейли и напоминать себе, что я — кретин, круче которого свет не видел.

И я старался не мучить её, не лезть, потому что себя я знал прекрасно. Увижу и снова вспомню те чертовы четыре года. Четыре года её жертвы, принесенной ради меня. Смог бы я так же? Смог бы пожертвовать творчеством в угоду любимого человека? Не уверен. Не смог. Любил ли я Полину так, как она того была достойна? А вот это вряд ли. Мало было. Жаль, что иначе я так и не научился.

— Дим, ты уверен, что справишься? — настойчиво спрашивает Илья. Ему очень важен микроклимат в коллективе, он не любит даже каких-то легких склок.

— Да, уверен, — киваю я. — Не волнуйся, Илья, я тебя не подведу.

— Ну, причин тебе не доверять у меня вроде нет пока еще, — задумчиво замечает мой друг. Режиссер со сценаристом дружит далеко не всегда, просто мы с Ильей хорошо понимаем друг друга. Редко бывает такое космическое совпадение. И я очень ему рад, потому что наконец-то мне себя ограничивать не надо.

Хорошо, что Илья не настаивает на своем. В кои-то веки я хочу сделать хоть что-то для Полли. Не сделать ей хуже, а наоборот — исполнить её мечту.

Когда я еще ничего не испортил, когда мы всеми своими атомами принадлежали друг дружке, Полли призналась, что очень хочет, чтобы именно я написал сценарий для фильма по её книжке.

Нет, я правда сомневаюсь, что сейчас Полли бы согласилась именно на это. Дело было не в этом.

Мой котенок, моя мечтательная малышка мечтала о фильме по своему роману. Ну, сначала написать такой роман, который

кто-то захочет экранизировать, а уж потом — чтобы за дело взялся я.

Сейчас она уже написала не один такой роман. Прямо обалдеть же можно от заоблачной крутизны моей жены. Бывшей жены, да! Жаль, что не я помог ей добиться успеха, но и я кое-что могу для неё сделать. Исполнить ту её мечту, про которую она, наверное, уже и забыла. Вообще-то... Это малое, что я мог для неё сделать, после четырех лет того ада, что я ей устроил. Да и после... После я тоже ничем хорошим не отличился.

И да, я легко мог помочь сделать её мечту явью, сейчас мне это действительно ничего не стоило. У Полли будет классная экранизация, достойная её самой. С режиссером её мечты.

Самое главное — мне не увлечься... Не забыть, что вообще-то возвращать её себе я не собираюсь. Убивать её второй раз мне совершенно не хочется.

Тем более что у моей бывшей жены уже давно налажена своя жизнь, и для меня там просто не найдется места.

Вот только с учетом того, как Полина и сейчас выбивает меня из колеи — кажется, остаться при этом своем намерении мне будет действительно сложно.

Глава 5. Полина

— Поль, что ты об этом всем думаешь? — Тон у Эльки — как у сапера. Да и подходит она ко мне бочком, будто к собирающейся взорваться бомбе.

— Я думаю, что у них тут кофе отвратительный, — я вздыхаю, и прошу у аппарата по продаже кофе еще одну порцию эспрессо. — Как думаешь, их эту гадость чем заставляют пить, плетьюми?

Элька принюхивается к содержимому моего почти пустого стаканчика и кривится.

— Не иначе, — ворчит она.

Хотя наблюдая за здешней суетой, за людьми с глазами разной степени вытаращенности, я понимала — паршивый кофе самая меньшая из их проблем.

У них куда актуальнее: “Маша, где пятьдесят второй тональник?”, “Эй вы там, убавьте громкость, вы нам фоните”, “Михаил Александрович, вы не глянете новый концепт персонажа” и “Крановщик, кто видел крановщика? Найдите и убейте!” .

Телецентр кипел, бурлил, захлебывался своей бешеной жизнью, и кофе не был для него лакомством, кофе был для него инструментом к выживанию, кровью, текущей в жилах. Его пили, чтобы успевать за хвостом вечного местного дедлайна.

И нет, осознав это, мне критиковать кофе расхотелось. Я взяла свою вторую чашку и представила, что, глотая эту гадость, я становлюсь здесь чуточку своей.

Приятно...

Я сбежала, потому что находиться лишние десять минут в одной комнате с Варламовым мне опасно. Это почти то же самое, что хранить в одной и той же коробке канистру бензина и зажигалку. Установила таймер на телефоне на десять минут, чтобы точно не упустить время — и стою тут. Медитирую в коридоре с чашкой кофе. Мне действительно полезно.

— Домой хочу, — устало произношу я. Настроение как-то скурвилось и вообще, стоять и думать на тему того, что мне придется работать в компании Димы — не особенно приятно. Не хочу! Не хочу-не хочу-не хочу. Великая нехочуха, ага. Могу ногами потопать, только разве это поможет?

— Как думаешь, чего хочет Варламов? — тихо спрашивает Эля, возвращая меня в реальный мир к реальным проблемам. — Зачем ему эта должность? Его ведь даже не назначили, он вызвался сам. Он ведь знал, что нужно будет работать с тобой... Может, он тебя вернуть хочет?

Я рассмеялась. На самом деле версия была забавная. Нет, вряд ли Дима этого хотел. Даже его заигрывания в лифте не были серьезными, Дима в принципе флиртовал со всякой симпатичной особью женского пола, которую еще не затащил в постель, стиль общения у него был такой. И симпатичная физиономия этому очень способствовала.

— Эль, чтобы меня вернуть, — я сделала еще один глоток кофейной нефти из стаканчика — Варламову нужно врезать мне бейсбольной битой по голове, да так, чтобы я память потеряла. У меня безумно много претензий в его адрес, ты знаешь. Да и ему — ему нужна не я, а девочка, которая будет готовить ему борщ и смотреть в рот. Какой мне борщ, когда я пишу по восемь часов в сутки, гуляю три, сплю еще девять, а оставшееся время — жру и занимаюсь йогой. Когда я выбрала его, отказалась от творчества — я ему надоела. Скучной стала, так он тогда сказал. А сейчас он в мою жизнь просто не влезет. Да и зачем? Его последней девице было года двадцать два, он меняет их раз в два месяца. Скажешь тоже, заинтересую его я. Слишком старая.

Без комментариев. Да — я знаю. И не надо меня спрашивать откуда я знаю, сколько лет последней девушке Варламова. Все вы понимаете, в одном мире соцсетей с вами живем.

— Полли, — Элька укоризненно хмурится, — перестань нести чушь. Какая “старая”? Тебе тридцать лет, а не триста.

— В глазах Варламова — после тридцати женщины мумифицируются и перестают иметь ценность, — насмешливо замечаю я. — Зачем связываться с тридцатилетней? Девочка двадцати двух-двадцати трех лет от роду обеспечит тебя более здоровым потомством, и прочее бла-бла-бла.

По-крайней мере, когда мы расходимся — он говорил так.

— Тьфу, — Элька кривится. — Вот серьезно, как ты жила с ним четыре года? Он же чертов шовинист...

— Эль, я была идиотка, — честно откликаюсь я. — Мне казалось — это любовь. А ради неё же не жалко каких-то там жертв. Ну, мелкая же была. Чего ты хочешь от восемнадцатилетней влюбленной клуши.

Если уж домогаться, мне далеко не казалось. С Димой у меня и была любовь. Такая безумная, что мне хотелось считать её единственной настоящей в мире. Такая бескрайняя, что мне иногда казалось, что я сгорю от чувств, захлестывающих меня с головой. И она была, просто потом закончилась. Но она была, точно была.

Как может реагировать девочка-отличница, если на неё вдруг обратит внимание первый красавчик с параллельного потока? Тот, на которого ты, вросшая в джинсы, не знающая слово “маникюр” серая мышь, даже не смотрела, потому что зачем мечтать о том, что заведомо невозможно?

А невозможность вдруг является к тебе, сияет на тебя широченной улыбкой и зовет в кино! Ну, а после кино все та-а-ак быстро завертелось...

Я не училась литературе, я училась журналистике, Дима же сразу учился на сценариста. Сразу знал, чего хотел от жизни, нужно сказать — этим его качеством я восхищаюсь и до сей поры. Я в свои восемнадцать категорически не могла похвастать особой осознанностью.

Мне нравилось писать тексты — вот тебе и все самоопределение.

И вот — был он, была я, и была какая-то лихорадочная зависимость двух творческих людей, безумно зависящих от мнения друг дружки. Молодой творец — голодный до чужого мнения творец. И мы были такие. Я видела все сценарии Димы, он читал мои эссе и статьи, и мы перлись от крутости друг дружки. Кукушка обожала петуха, петух — кукушку, и это было очень искреннее и безумно сильное чувство.

В какой момент все это вдруг исчезло? В какой момент я поняла, что союз двух творческих людей — это ужасное сочетание, потому что рано или поздно кто-то творить перестает? В нашем тандеме это была я...

Нас оттесняет от аппарата по продаже кофе девочка с загнанным лицом и гулькой на голове. Судя по макияжной кисточке, воткнутой в гульку, и мазкам помады на запястьях — гример. Судя по выражению лица “видала я весь мир в гробу и на белых шпильках” — гример какой-то очень-очень капризной певички.

— Может, Димочке по-прежнему поперек горла твой успех? — задумчиво спрашивает Эля. — Ну, сама подумай. Кто он? Занюханный сценарист? Если бы он не был твоим мужем — я бы и не знала, что он пишет сценарии для центральных каналов. А тебя по всем утюгам передают, ты у нас звезда,

Костик тебя очень качественно пиарит, радио, газеты всякие... В прошлом месяце ты вообще в шоу каком-то экспертом выступала.

— В позапрошлом, — я чуть морщу нос, вспоминая три адских дня тех съемок и жуткую аллергию, что полезла у меня на сценический грим. И было шумно, но... Костя говорил, что продажи после моего появления по ящику стали чуточку внушительнее. Месяца через два обещали снова позвать...

— Неважно когда ты там мелькала, — отмахивается Элька. — Важно, что ты везде. На конвентах, в телевизоре, в вирусной рекламе, везде. Шесть тысяч запросов “Полины Бодлер” было сделано только за тот месяц. А давай пробьем Дмитрия Варламова. Спорим, и двух сотен запросов не будет? Димочка тебе и тогда завидовал, а сейчас и подавно.

— Ну а смысл какой ему влезать ко мне в проект? — рассеянно спрашиваю я, разглядывая, как меняются пиджаками два парня в конце коридора. Там, кажется, кастинг, перед дверью кабинета длинная очередь, разве что на головах не сидят.

— Ну, Варламов же знает, что ты его терпеть не можешь, так? — задумчиво замечает Элька. — И всякий раз, когда вы пересекаетесь — происходит скандал.

— Увы. Я бы и хотела сказать, что это не так, но то ли я была скандалистка, то ли Варламов — никак не может уняться.

И на юбилее той же Нины мне было правда жаль, что так вышло, просто я не ожидала, что наткнусь на Варламова в компании тощей блондинки, а он сам возьмет и припрется, чтобы рассказать, как я испортила ему аппетит своим унылым парнем.

А я... Я ведь имела право ему ответить, да? И да... Я ответила. Тем более, что общий вид его модельки меня, знаете ли, тоже выбесил.

Самое паршивое было в том, что я тогда думала совсем не о чертовых запонках, а о том, какие у этого ублюдка красивые глаза. И как я его ненавижу за это.

И да, это действительно была проблема. Но пока что я с этим почти ничего не могла сделать.

Человек со мной не смог, я его не устраиваю, да и он меня в общем-то тоже не устраивает ни по какому показателю. Вот только на кой черт пару раз в неделю во время серфинга по всяким соцсетям я заглядывала на страницу Варламова, с мазохистской целенаправленностью изучая фотки с очередной его пассивой.

Девушки менялись с завидной регулярностью, бросивший меня мудака был “в полном расцвете сил”, и мне бы сделать из этого выводы и перестать уже так беситься при виде его слащавой физиономии, а не получалось.

Мне и сегодня его видеть было неприятно, до зубовного скрежета. А он — и ухом не повел, и вид делал, что и не было того прошлогоднего скандала. И позапрошлогоднего тоже. Мачо еще включил на полную.

— Мне кажется, что он того и хочет, — шепчет Элька, чтобы поменьше народу слышали наш разговор. — Чтобы ты вспыхнула перед Кирсановым. Ты же давно мечтала о фильме по своей книге? А если Кирсанов откажется тебя экранизировать — в результате фигурки кто-то еще захочет это сделать. Ну разве что задрот какой. Димочка для Кирсанова свой, его и послушают, он будет пострадавшей стороной.

Наверное, будь я немножко наивнее, не зная насколько даже близкие люди могут тебе устроить подлость — я бы не поверила в Элькину версию. Я бы отмахнулась от неё, сказала бы: “Да не может быть такого!” — и полетела бы на своих прозрачных крылышках в страну волшебных единорогов.

Но вообще версия была довольно твердая. Циничная, неприятная, но... Я видела физиономию Димы, когда я вошла. Он явно был доволен произведенным эффектом внезапности. И с Элькой он упорно переругивался. И ухмылочка у него была довольно издевательская. Он будто пытался вывести меня из себя.

— Думаешь, он хочет, чтобы я отказалась от договора? Это сорвет съемки?

— На этом этапе твой отказ от сотрудничества наверняка спровоцирует расторжение договора, — Элька кивнула, недовольно поджимая губы. — Кирсанов просто найдет себе другую, более податливую девочку с книжкой, подходящей для мелодрамы, а мы налетим на неустойку из-за расторжения договора по нашей вине.

Срабатывает таймер на телефоне. Десять минут закончились. И из дверей Кирсанова высовывается взъерошенная голова Варламова.

— Где вы там? — окликает он нас. — Давайте сюда.

И что мне делать? Возвращаться сейчас в кабинет с Кирсановым, проигрывать Диме, выторговывать себе отступление от договора? А может, вообще сбежать, как тогда — в ресторане, не выдержав волны поднявшихся эмоций?

А вот фигушки! Больше я своему бывшему не проиграю ни разу! Еще посмотрим, кто от кого сбежит.

Глава 6. Полина

Скачано с сайта <https://bookseason.org>

— Ну, что Поль, как тебе наш кофе? — одна эта едкая ухмылка на физиономии Варламова, расцветающая по нашему возвращению в кабинет — лекарство от хорошего настроения до конца этого дня. Вот реально, и не хочешь верить в его подставы, а издевка в его тоне все равно мерещится. Он-то знает мой задвиг на хорошем кофе.

— Потрясающая отравка. Но я выжила, — сухо откликаюсь я, а Элька сжимает мои пальцы, будто напоминая: “Держи себя в руках, Полина”. Держу. А что мне еще остается? Я хочу этот чертов фильм. Я хочу увидеть фильм по своей книге и прорыдаться при просмотре — от радости, от восторга, от мечты, претворенной в жизнь. Я пять лет с утра и до ночи пашу на издательство как конь, падаю в кровать, чтобы утром встать и снова начать пахать. Я не заслужила разве?

Ну, не бывает все идеально, и Варламов — да, это мой изъян на хрустальных узорах мечты. Ну и черт с ним. Пять лет я как-

то мирилась с существованием бывшего мужа на одной планете со мной, ничего не изменилось, кроме того, что между нами больше нет нескольких десятков километров.

Из этого можно даже пользу извлечь. Может, я наконец возненавижу Варламова настолько, чтобы больше не вспоминать его в периоды обострения депрессии. Чтобы не лазить по страницам в его соцсетях, не листать фотки из семейной жизни, в которой мы на самом деле ужасно безмозглые, но такие счастливые... Чтобы не набирать по памяти его чертов номер, который он так и не сменил за эти пять лет. А я пыталась забыть, вот только пальцы все равно помнят этот проклятый порядок цифр. Как хорошо, что я ни разу так и нажала “вызов”.

Вот честно, я ненавижу за это Варламова лютой ненавистью. Да и собой не очень довольна. Зачем было нужно настолько сплавляться с ним воедино, настолько отказываться от себя? Он-то себе абсолютно ни в чем не отказывал эти пять лет, а я... А я только через три года после развода решила хоть как-то сблизиться с Костей.

— Итак, давайте к делу, господа, — Кирсанов собирает со своего стола бумаги, и поглядывает на нас мельком, — в сроках у нас год до стадии пост-продакшена.

— А можно для блондинок, пост-продакшен — это что? — виновато улыбаясь, уточняю я.

Дима закатывает глаза. Будто поперек широкого лба написал: “Как можно было прожить со сценаристом четыре года и не знать таких базовых вещей”.

А вот можно, Димочка. Я вообще все, что касалось тебя и твоей работы, отчаянно старалась вытереть из памяти. Если бы я хранила еще и воспоминания об этой чуши — до сих пор бы лежала на кроваточке и рыдала в подушку, оставленную Димочкой.

— Пост-продакшен — это этап после съемок, — милостиво сообщает мне Кирсанов. — Монтаж, обработка, озвучка и прочее-прочее.

— Спасибо! — благодарно улыбаюсь я.

— У вас есть две недели, господа, чтобы подготовить сценарий в его рабочей форме. Справитесь? — Кирсанов смотрит сначала на Диму, потом на меня. — На этой стадии я вам мешать не буду. После этого мы его подредактируем и уже начнем.

— То есть должен быть готов чистовой вариант за две недели? — я немножко опешила от таких сроков и удивленно уставилась на Кирсанова.

— Это обычные сроки, госпожа Бодлер. Предполагается поработать над вопросом сценария очень плотно и без простоев. — Илья Вячеславович моей реакцией ничуть не удивлен, но отступать от своего явно не собирается. — Не будете успевать — сообщайте. Дима — с тебя отчетность о продвижении работы.

Ну вот. Отчетность, значит, с Димы. И я прекрасно представляю, кто у него будет виноват во всех задержках. Ладно. Две недели так две недели. Если Варламов думает, что я соскочу из-за необходимости две недели видаться с ним ежедневно, а вот выкусит, сладкий.

— У меня сдача книги через две недели, — сообщаю я сухо. — И кстати, в договоре было указано, что на период дедлайна моей авторской деятельности вы готовы пойти на смещение по срокам. Впрочем, я все-таки надеюсь, что задержек по моей вине не случится. Я выделю три часа в день на работу с господином Варламовым, надеюсь, что этого будет достаточно?

— Да, разумеется, госпожа Бодлер, — Кирсанов улыбается так доброжелательно, будто даже на это не рассчитывал. Ну, вот что за мужик, веревки из меня вить может.

А ведь потребуй он четыре или пять часов работы вместе с Димой — вот он, именно Илья Вячеславович с этой его харизматичной физиономией и улыбкой, оплавляющей сердце, и знаете...

А я бы согласилась. Нет, Дима мне, конечно, знатно изгадил настроение. Но Кирсанов — по-прежнему мой любимый режиссер. И в принципе привлекательный мужчина.

До одури привлекательный, на самом деле. Ему около сорока, но это тот случай, когда возраст становится его достоинством. Тот же Варламов рядом с Ильей Вячеславовичем выглядит все тем же мальчиком.

Ну... Да, Элька не зря напоминала про бессмысленность флирта с Кирсановым. Но даже осознание этого не мешало мне сейчас сидеть с прямой спиной, ненавязчиво развернувшись в сторону режиссера вырезом на груди. Может, и ничего, что таким позорным образом погибла блузка. По крайней мере, чувствовать себя привлекательной, когда сидишь напротив симпатичного мужчины, довольно приятно.

Нет, у меня не было на Кирсанова никаких планов. Но, в конце концов, имею же я право почувствовать себя женщиной, а не одним только приложением к клавиатуре?

Не напоминайте про Костю, ну пожалуйста. Знаю, со стороны кажется, что я совершенно потеряла стыд и совесть, но вообще я же сейчас просто наивненько мечтаю. Понятное дело, изменять своему нынешнему мужчине я не буду, даже если был бы вариант. Хоть в мыслях-то мне можно побыть девушкой, которая может привлечь внимание Ильи Кирсанова. В жизни-то я точно, что не могу. Кто из замужних женщин не представлял себя в объятиях своего кумира — тот может бросить камень, ага. Только не в голову, пожалуйста!

— Мы можем поработать прямо сейчас, — голос Варламова вновь приземляет меня на землю. Особенно занятно, что звучит он недовольно, да и смотрит он на меня раздраженно. Не знаю почему, но мне хочется показать ему язык.

— Если у госпожи Бодлер есть сегодня время, — Кирсанов смотрит на меня вопросительно. Я бросаю взгляд на часы.

— Есть пара часов до обеда, и пара часов после. Потом я уеду работать над книгой.

Дольше чем четыре часа в компании Варламова я все равно не вытерплю. Это и так больше, чем я очертила для сценарной работы, и больше, чем предусмотрено в договоре. Просто мне хочется разобраться со сценарием побыстрее, чтобы избавиться от необходимости часто видеться с Димой.

— Этого более чем достаточно для начала, — улыбается Илья Вячеславович. — Дима, вы можете идти. И не забудьте проинструктировать госпожу Бодлер по поводу информационной безопасности.

— Разумеется, — Варламов кивает как-то отрешенно. — Идемте, госпожа Бодлер.

Как он резко съехал с “Поли”. Боже, неужели мой муженек вспомнил, что он мне бывший и домашние формы имени между двумя разведенными людьми, да еще и при ком-то постороннем — это некорректно. Да где бы записать такую эволюцию? Пять лет прошло, а до Димы дошло? Хотя, честно и объективно — он на самом деле выглядит почти обиженным. И физиономия мрачная, и руки в карманы джинс зачихнул. Зайчик какой, сердитый. Не был бы моим бывшим — ущипнула бы за щечку.

Из кабинета Кирсанова мы выходим, и тут приходит пора прощаться с Элькой, которая вообще-то приезжала, в основном, чтобы мне не было страшно, в сценарной работе подружка не участвует. С Димой Элька обменивается только двумя очень красноречивыми взглядами. Со мной — еще и обнимается “на дорожку”.

— Удачи, — шепчет Элька мне так, чтобы Варламов не услышал. — И держись.

Я чуть улыбаюсь. Держусь. Я же хочу, чтобы все получилось, значит — у меня нет выбора.

И вот мы с Димой остаемся вдвоем. В некоторые моменты это ощущение “вдвоем” наступает посреди коридора, в котором то и дело, туда-сюда бегают люди. Дима тяжело смотрит на меня, я на него — бесстрастно, ожидая, пока наконец этот снежный король оттает и двинется с места. На самом деле мне тревожно и беспокойно с ним. Он — прошлое, за которое упорно цепляется некая часть моей души. Он — в принципе не самый приятный мужчина, как я это ощущаю после развода.

Будет непросто.

Но я держусь!

— Идем. — Дима наконец трогается с места и шагает в сторону того конца коридора, где до сих пор толпятся собравшиеся на кастинг мальчишки.

Его кабинет чуть поменьше, чем у Кирсанова, но светлее. У Ильи Вячеславовича кабинет выглядел дорогой приемной, отделан темным деревом. Ощущалось, что кабинет для Кирсанова — место для встреч с людьми, работает он совершенно в другом месте.

У Димы же... Нет, особого рабочего беспорядка нет, на самом деле Дима аккуратист тот еще, это я и по нашей с ним семейной жизни помню. Вот и тут — стол почти свободен, в стеллажах у стен идеальный порядок. Светлые стены, серый паркет. На краю дивана рассыпаны-таки листы распечаток, и это единственное место, где порядок не соблюдается.

— Под тебя делали кабинет, или какой достался? — с интересом уточняю я, скользя пальцами по блестящему подлокотнику дивана.

— Под меня, — голос Димы чуть смягчается. — Присядешь?

— Сюда? — я, чуть подняв брови, бросаю взгляд на диван. — Нет, спасибо. Могу представить, сколько актрисок у тебя на этом диване «получали протекцию».

— Не так уж много, — Дима чуть улыбается краем рта, но голос все равно звучит слегка оправдывающимся. — Я же не кастинг-директор.

— Но возможности-то есть все равно, — я пожимаю плечами, стараясь унять что-то внутри, что начало негромко скулить. Нечего раскисать. Я сама завела эту тему, сама и виноватая.

— Черновой вариант сценария я уже подготовил, — деловито сообщает мне Варламов, явно пытаюсь сменить тему разговора. — Нужны авторские правки, твои уточнения мест действия сцен, возможно — редакция диалогов. Текст твой — его острые места ты должна чувствовать лучше меня.

— Уже подготовил? — я поднимаю брови, глядя на Варламова. — И когда ты успел, если контракт я подписала позавчера?

— Работу я начал раньше, — на губах Димы расплзается очередная усмешка. — Илья Вячеславович просил сделать ему синопсис до того, как решил вопрос — делать ли тебе предложение. Как посмотрел синопсис, сказал начинать работу уже над сценарием, чтобы не терять зря время.

— До моего согласия? — удивленно спрашиваю я.

Нет, я бы не отказалась. Не от работы с Кирсановым. Я не отказалась, даже уже наткнувшись на Варламова, но все равно это немножко странно. Я думала, сценарии разрабатываются ну... Месяц-два. Подгоняются, обрабатываются, уточняются. А еще там как-то мудро рассчитывается метраж фильма и его протяженность, тоже в зависимости от сценария. Поэтому я удивилась на две недели, назначенные Кирсановым. Но если был готов черновик — ничего удивительного.

— Слушай, я работаю с Ильей не первый год, — раздраженно огрызается Дима. — Он сказал мне выполнить задание — я выполняю. И не лезу в его творческий процесс.

— Неужели ты это умеешь? — не удерживаюсь я от выпада.

— Представь себе, — утомленно откликается мой бывший муж. — Поль, мы будем работать или нет?

— Будем, Дмитрий Денисович, разумеется, — прохладно откликаюсь я, напоминая про формальности.

— Тогда прошу, — Дима хлопает ладонями по спинке своего рабочего кресла. — Ты смотришь мой файл, делаешь правки, комментируешь. Я потом обработаю твои замечания и сделаю чистовой вариант. Ясно?

— Предельно.

Мне непривычно оказываться на Димином рабочем месте, и уж точно — сидеть там, где обычно сидит он. Это обычное кожаное компьютерное кресло, местами с протертостями, видно, что в нем действительно часто работают. В какой-то момент я чуть замираю, скользя пальцами по подлокотнику, думаю о том, сколько часов Дима проводит вот в этом кресле. На самом деле, я же им до сих пор слегка восхищалась, потому что он не перегорел, он работал по выбранной

специальности, делал карьеру, что творческому человеку сделать не просто.

И вот размышляю я об этом всем, а потом до меня доходит, что вообще-то Варламов стоит за моей спиной. Опирается на спинку. И у меня по спине из-за его близости бегут мурашки.

— Ты же можешь отойти? — тихо спрашиваю я, поворачиваясь к Диме. — Я не могу так работать.

Раньше могла. Гораздо раньше. Еще до того, как он начал докапываться до меня. Раньше он мог даже опустить подбородок мне на плечо и почитать, что я там пишу. Я не скрывала, не стеснялась, тогда он еще только почесывал мою самооценку.

И я вижу по его глазам, что он тоже это помнит. Но это было раньше.

Сейчас... Сейчас я не могла. Что-то во мне бурно протестовало против такой интимности.

— Хорошо. Без проблем, — ровно произносит Варламов и шагает в сторону дивана. — Тогда комментируй вслух, хорошо? Я буду обдумывать замечания.

— Ага, — я тихонько выдыхаю от этого облегчения, к которому почему-то прилагается легкое разочарование. Придвигаюсь к столу, опускаю кисти рядом с клавиатурой.

Ну-с, поработаем...

Глава 7. Полина

Первый мой “рабочий день” с Варламовым проходит так, будто мы, как два сапера, подошли с разных сторон минного поля и теперь делаем по ма-а-аленькому шажочку друг к дружке, бдительно тыкая перед собой миноискателем. Мне нужно терпеть, мне нужно быть бдительной — потому что если Варламов включит-таки своего мудака, то это же мне придется решать, как выкручиваться из конфликта с ним. Это мне думать о том, как бы сдать его Кирсанову так, чтобы господин-режиссер если что встал на мою сторону.

Впрочем, то ли Варламов толком не понимает, чего хочет, то ли он сам еще не в курсе был, как вывести меня из себя.

Отвык же, за пять лет-то, забыл, как это делается, болезный.

Ведет Дима себя почти спокойно. Почти — это значит, что он практически не лезет в бутылку, и практически все предложенные мной правки обсуждает в режиме нормального диалога, лишь только пару раз сорвался и включил ехидство, но быстро сам опомнился. Потому что одна высокомерная дрянь на его выпендреж замолкала, откидывала в кресле и уставлялась на Димочку с видом: “Как давно я не была в террариуме и не слушала пение змей”.

Да, эта дрянь — я. Не стыдно.

С самых первых дней, приходя в телецентр, я с пару минут стояю в холле у стойки гардеробной и гляжу на людей. Потом еще минут пять занимаюсь тем же самым в коридоре у автомата по продаже кофе, и только после этого решаюсь шагнуть в кабинет к Варламову. В первые дни было ощущение, будто в пасть тигру голову засовываю, ей богу. Сейчас это ощущение уже сгладилось, но от привычки постоять и посмотреть на людей я так и не отказалась.

Я начинаю немного понимать Диму. Понимаю, почему он работает именно в телецентре, почему четыре года нашей с ним совместной жизни стремился именно сюда, а сейчас не желалет отсюда вылезать. Как и тысячи людей, что бегают здесь между этажами.

Хаос. Такой творческий, оглушительный яркий хаос, состоящий из мазков человеческих лиц, непрерывного движения и незамолкающих слов. Он завораживает, и хочется вплестись в этот буйный, вечно опаздывающий поезд, в котором все так удивительно по-настоящему.

Мне нравится сюда приходить, нравится пить местный дрянной кофе. От этого серьезно — чувствуешь больше вкуса собственной жизни, и хочется жить еще быстрее, ярче, сильнее, так, чтобы мало никому не показалось, чтобы никто не сказал, что ты жила не на полную катушку и просто бездарно тратила свое время, вместо того чтобы добиваться своей мечты.

Вы не поверите, но к концу второй недели моей совместной работы с Варламовым — я начинаю ценить даже время,

проведенное в его кабинете, за его компьютером, занятое перепалками и уточнением сцен. Ценю настолько, что несколько раз даже засиживаюсь с Димой за сценарием до вечера. Причем настолько до вечера, что умудряюсь три раза отложить ужин с Костей. И мне перед ним очень неловко, почему-то, хотя я просто работаю над сценарием, там действительно было над чем. Сроки-то поджимают.

Работа над сценарием — штука интересная, оказавшаяся для меня не очень простой с непривычки.

На самом деле, если ты умеешь писать книги — далеко не факт что из тебя выйдет хороший сценарист. Тут важно умение видеть происходящее в совершенно определенном ритме. Дробить ситуацию на ракурсы, на кадры, на детали.

Я — писатель. Автор женских романов. Я люблю истории о любви, я живу ими, на кончиках моих пальцев живут эмоции, сильные чувства, головокружительные страсти. Я пишу настолько эмоционально, насколько могу, потому что я должна заставить работать женскую фантазию. Это очень эrogenная зона женского мозга, на самом деле, мы очень любим мечтать, фантазировать, и делать это умеем прекрасно. Зачастую, нам далеко не всегда обязательно даже добавлять картинку. Ну то есть, окей, есть картинка красавчика? Дайте две. Нету? Ну окей, погодите, сейчас я его сама себе представляю. Ой, вы картинку нашли? Нет, простите, совсем не то!

И в моих книгах все — блики осеннего заката, капли дождя на стекле, сотня сотен мелких деталей, которые рисуют историю чьей-то любви до последней мелочи. Я не могу без этого, я балдею, описывая соприкосновения пальцев, нежданную встречу взглядами, вибрации между героями, случайные выдающие чувство вздохи.

Одному лишь танцу главных героев я могу посвятить целую главу, потому что, а как иначе? Там же все — кипящий воздух, боязнь всякого лишнего вдоха и этот потрясающий ритуал, когда герои говорят друг с другом не словами, а чувствами, обращенными в жесты...

Дима — сценарист. В его строчках сухость, деловитость, четкая картинка. Жесты, краткие фразочки, которые помогают актеру изобразить именно ту эмоцию, которую я описала в двух абзацах текста.

Блики солнца? Кадр!

Танец? Две минуты экранного времени, расписать по ракурсам. Кратко. Никаких лишних слов. Из абзаца надо взять фразу, жест и эмоцию. И перейти к следующей сцене.

Варламов не врет, говоря, что за те пять лет что мы с ним не вместе — сильно вырос в профессиональных навыках. Это действительно так. Когда-то я имела наглость к нему придирааться, тогда я чуть меньше понимала в художественных текстах, и в принципе гораздо чаще смотрела на сценарии. И я видела недочеты, да. Недожатые сцены, недописанные кадры, потерянные эмоции. Сейчас этого не было.

Варламов действительно качественно поработал с моей книгой, превратив четыреста шестьдесят одну страницу чувственного коллапса, окунающего в историю о невозможной любви, о долге, о путешествиях — в двести одиннадцать страниц сценария, где выбраны самые эффектные сцены, а те, которые не прошли отбор — сокращены и сброшены в “дополнительные материалы”. Их тоже увидит режиссер, решит, что с ними делать, и может что-то и добавят для соблюдения хронометража.

И все же, я читаю Димин сценарий, и про себя им восхищаюсь. Нет, Дима, конечно, не во всем прочувствовал акценты моей книги, но все равно... Дело он свое действительно знает.

Нет, я женщина. Мне всегда есть что сказать, что добавить. Правда это желание приходится контролировать, и воображаемой линейкой стучать себя по кончикам пальцев, чтобы не перебарщивать со своими дополнениями. В принципе — я уже подстроилась под Варламова, поняла, что от меня нужно, он уже даже почти не корректирует, не “подсушивает” мои дополнения, убирая из них лишку информации.

— Поль, обед заказать?

Нормальная фраза, да?

А если представить, что её вам говорит не кто иной, а некогда до безумия любимый, и позже — бросивший вас мудака, ради которого вы были на очень многие жертвы? А если добавить к этому хриплый, приглушенный тон и факт того, что сказано это вам было прямо на ухо? Так что чертовы мурашки по спине так и побежали....

В общем...

У вас все еще есть вопросы к тому, за что Варламов получил локтем по носу? Вот! Я думаю, все вы понимаете и рады за меня. А вот у Димы вопросы все еще имеются.

— За что, блин? — трагично интересуется он, нашаривая в ящике стола упаковку бумажных платков и запрокидывая голову.

— Тебе краткий список или длинный, Димочка? — ехидно уточняю я, пытаюсь не сильно злорадствовать. — Ты совсем обурел, Варламов? Мог по нормальному спросить?

— Два раза спрашивал. — Хмуро огрызается Дима, косясь на меня мрачным глазом. — Ты же как всегда в творческой коме, ничего не слышишь.

Ох. Ну да, вообще водится за мной такое...

— А. — Я изображаю на лице виноватую улыбку. — Ну, тогда извини, Дмитрий Денисович. Но пугать меня так не стоило. Я уже говорила — на твое присутствие в моем личном пространстве я не подписывалась.

Раз пять говорила, между прочим. А он все равно так и норовит бочком подкрасться к рабочему креслу, а то и вовсе прижать свою пятую точку к его подлокотнику и все-таки смотреть на мою работу через плечо. Нет, он замечаний не делает, но... Но выбивает из колеи знаете ли. Вот представьте, что на подлокотнике вашего рабочего кресла, уселся мужик, которого вы вообще-то терпеть не можете. Он касается бедром вашего локтя. И пылает все плечо рядом с которым он сидит. Вам до работы? Вот и мне нет. Особенно, когда я понимаю, что вообще-то приноживаюсь к

горьковатому запаху его туалетной воды, и понимаю, что это вообще-то мой любимый мужской аромат из последнего выпуска “DG”.

Вот какого черта, а? Он что, не мог выбрать какую-нибудь мускусную вонючку? И... И почему Костя этой водой не пользуется? На Новый год же дарила! Глядишь пользовался бы и кровать бы плесенью зарастала поменьше...

Ну, с Варламовым же срабатывает, я реально начинаю думать о сексе, приходится выгонять Диму из личного пространства и надеяться, что не спалилась.

— Скажешь тоже, пугать. Можно подумать, я прям такой страшный. — Вздыхает Варламов.

Вопрос я оставляю без ответа. Честность Варламов не заслужил, а врать мне не хочется. Не страшный. Но безумно раздражающий.

Знаете, иногда я теряю связь с реальностью, и подумываю, что Димочка не такой уж и козел. А потом его телефон трезвонит, на экране высвечивается какая-то Верочка — такая милая девица с утиными губешками, и Дима, воровато на меня озираясь, высказывает из кабинета.

Как будто я собираюсь его за это убивать. Ну, травануть хочется, бесспорно, но... Нет, я не лезу не в свое дело. Ну есть у него личная жизнь. Можно подумать для меня это секрет. Нет. Это факт. Неприятный, но я с ним смирилась как-то, довольно давно. Живу.

С Костей я не созваниваюсь в телецентре, мы с ним так договорились. Правда о том, что я тут работаю с бывшим мужем, Костику я почему-то не сказала. С одной стороны, вряд ли бы он рванул пересматривать договор, он же просто менеджер по рекламе, договорами у нас юристы занимаются. С другой стороны, мне почему-то кажется, что он будет ревновать. Хотя в той же кафешке они с Димой чудом разошлись и никто никому не набил морду, это все-таки было... Неприятненько. Нине я потом высказала свое «фи».

— Ну, так что, закажем или пойдем в кафе? — повторяет Дима, когда кровь унимается и он с чистой совестью швыряет

платок в мусорку.

— Знаешь, я пожалуй бы отвлеклась и проветрилась. —
Задумчиво киваю я, — у тебя кровь на рубашке, кстати.

Знаете что меня безумно “радует” в мужчинах? Их полная незакомплексованность. Димочка без всякой задней мысли, бросает взгляд на те мелкие капельки, что долетели до белой ткани, сбрасывает с широких плеч свой стильный пиджачок, подходит к шкафу и начинает стягивать рубашку.

Кто заказывал стриптиз? Чур не я!

Я — воспитанная девочка, меня просить отворачиваться не надо. Я сама отворачиваюсь.

Вот только ай-яй-яй, миноискатель пропустил таки мину, с той стороны кабинета у Димочки внезапно находится зеркало, и я... Нет, я сразу же отвожу взгляд. Но я успеваю заметить его спину. Такую красивую, мать его, спину. До одури. К такой хочется прикоснуться.

Я помню эту спину. На ощупь. Два шрама на правой лопатке — ещё подростком лазил по заброшенный стройка и несколько раз неудачно упал. Родинки на поясице. — восемь штук, четыре крупных, четыре мелких. Черт... Кажется, меня заносит.

Вот опять, к моей досаде, мой бывший мудака получает очко. Он по-прежнему в отличной форме. Чуть более подкачан, чуть заметнее подсушен. Я понимаю, на что в нем залипают юные двадцатилетние феечки. Нужно сказать, подачу с лифтом он сейчас хорошо отбил, хоть и не знает об этом.

А взгляд-то, взгляд-то мой... Так и норовят глаза-предатели соскользнуть влево, в зеркальную гладь, чтобы скользнуть по той рельефной спинке хотя бы взглядом.

Ах, Полина-Полина, и это при живом-то Косте ты пытаешься не пялиться на бывшего муженька. Хотя ладно, это так, эстетическое. Просто красивые мужские спины — моя слабость. И то, что пониже спины я тоже ценю, если оно такое поджарое, крепкое, загорелое, ну и можно слегка волосатое, м-м-м...

А знаете, что я сейчас думаю?

Я думаю, что сегодня смогу отбрехаться от Димочки и уехать пораньше, я на неделе перерабатывала. А так... Приеду домой. Приготовлю этот несчастный ужин для Кости. Надену красную шелковую комбинацию, месяц уже она лежит на полке, скучает. И плевать мне на то, будет ли Костя пахнуть той туалетной водой или нет. Даже лучше если нет. Еще не хватало мне лежать в одной постели с мужчиной, от которого пахнет как от Варламова...

Котики, комменты автору по-прежнему очень нужны! Мур!

Глава 8.1 Дима

Иногда мне хочется сходить к психотерапевту. Вот к этим вот в круг анонимных... Круг анонимных идиотов мне прекрасно подойдет. Так и представляю, что прихожу туда, сажусь на стульчик, тяжело вздыхаю и представляюсь.

— Здравствуйте, я Дмитрий Варламов и я идиот.

— Здравствуй, Дмитрий, — весело прошелестят мне собратья-идиоты.

— Расскажите о себе поподробнее, — предложит мне психотерапевт, и мне придется открыть рот для этого чистосердечного признания.

— Я развелся с женой, а теперь самым безнадежным образом на неё зависаю.

И после этого все остальные идиоты торжественно меня коронуют.

Полли... Боже, как я по ней скучал, оказывается. Это невозможно было ощутить на расстоянии, это получилось ощутить лишь только вблизи, когда она оказалась на расстоянии нескольких шагов и начала проводить со мной время.

Я на полном серьезе, каждое утро ловлю себя на том, что жду появления бывшей жены. Что сижу и как мальчишка в ожидании Полины перекладываю ручки в настольном органайзере, чтобы они стояли как-нибудь поровнее и не раздражали глаз.

На самом деле хочется больше, не просто оказаться к ней поближе во время её работы, хочется прикоснуться к ней, опустить запястья на её плечи, хотя бы. Но я за одно только предложение заказать обед сегодня получил локтем в нос, а за попытку легких объятий — Полли ведь не удержится, Полли ведь пошлет меня к чертовой матери, и может вообще разорвать договор с Кирсановым, налететь на кучу неприятностей и потерять шанс на реализацию мечты — и все только потому, что меня на ней клинит.

На самом деле клинит меня давно. Только Полли была той самой, что держала меня очень крепко. И после неё — ни одна не устраивала меня даже вполтину так же. Куда ни ткни — везде бабочки-однодневки.

Модельки, актриски, телеведущие — вроде симпатичные, а ни для чего кроме как для секса в итоге и не годятся. Со многими из них даже не приходилось рвать отношения, они уходили сами, не считая нужным объясняться.

И на них в общем и целом было плевать, сегодня была Вера, через неделю Вера соберет чемодан, потому что нашла себе покровителя поинтереснее, и я... Я выдохну, на самом деле, потому что не был согласен с Верой начинать хоть что-то серьезное.

А потом я приду на работу, и снова увижу здесь Полли...

Полли — едкую, самоуверенную, твердую как гранит, способную оттолкнуть меня одним только взглядом.

Полли — красивую до одури, особенно во время работы.

Я и раньше любил любоваться ею именно в такие моменты, когда работа захлестывала её с головой, у моей малышки становилось выражение лица такое, будто она не в экран ноута смотрела, а в другой мир через распахнутое окно.

Я и сейчас замираю, когда вижу это выражение на её лице, когда замечаю маленькую морщинку между нахмуренными бровями. Умница моя, талантливая...

Нет.

Не моя.

Полли — по-прежнему безумно способную. Ей совсем ни к чему была моя помощь, я ей только мешал когда-то. Даже сейчас она находит мои недочеты, и сходу вникла в то, что из себя представляет сценарная работа, а это понимание вообще-то давалось не всем.

Полли, которую каждый вечер от студии забирал все тот же... Унылый, и никаких других эпитетов я ему придумывать так и не стал. В отличие от меня, Полли вполне была способна на серьезные отношения.

Это я был и есть волк-одиночка, не дающий нормально жить даже той единственной, из-за которой в груди ворочалось сердце.

А Полина — практичная, скептическая, трезво смотрела на мир. Она не пускала в свою жизнь кого попало, и на самом деле для меня это был приговор. Мне она ни единого шанса не даст. Зачем ей я, когда у неё есть этот её... Костя. Может, он и унылый, но по крайней мере он её не душит, не выносит мозг, не придирается к творчеству.

Даже сейчас, обедая вместе со мной в кафешке, Полли не до меня, она закопалась в свой телефон, строчит СМС-ки, пропускает мимо ушей уже третий прикол из закулисной жизни сериальных съемок. Полли на меня пофиг. Нет, я не спорю, она имеет полное право на это безразличие, а я... А я хочу в свой клуб анонимных идиотов, или напиться, что ли, от этого проклятого отчаяния.

— Знаешь, Дмитрий Денисович, я что-то сегодня очень устала, — произносит Полина, отрываясь от телефона. — Ты не возражаешь, если я сейчас поеду домой? Мы с тобой закончим в понедельник.

Вообще-то я возражаю. Я очень сильно возражаю, но именно те возражения, которые я могу сформулировать, мне надлежит заткнуть куда-нибудь поглубже. Как ей объяснить, что я сейчас чувствую, будто меня пытаются обокрасть. У меня пытаются отнять два часа с Полиной. Кого можно убить, чтобы не жалко было? Кольцова, вот где тебя носит, когда ты так нужна?

— У нас сроки вообще-то, — напоминаю я Полине. — И у нас еще финал совершенно не обработан. Ты же понимаешь, что нужно закончить это и начать кастинги. Там твое присутствие будет тоже нужно, кстати.

Не хочу, чтобы она уезжала сейчас домой. Вот хоть хватай её в охапку и не пускай. Я даже не рискну предположить, сколько “ласковых слов” ею будет сказано, если я все-таки попытаюсь это сделать. Да и не буду я пытаться. Ибо не имею права. Я на Полину не имею права.

— Дим, ну брось, — Полина недовольно хмурится. — Ну какой от меня прок от уставшей? Тем более что Илья Вячеславович, насколько я поняла, может пойти нам навстречу и дать пару дней. Так и быть, вали все на меня, когда будешь ябедничать.

Вот от этого заявления еще сильнее хочется вспылить. Интересно, за кого она меня принимает? За того, кому прямо необходимо найти козла отпущения?

— В понедельник придешь пораньше? — тихо спрашиваю я, глядя мимо неё. — Поработаем вплотную, закончим быстрее.

— Да, хорошо, — Полли кивает, очевидно, для того, чтобы скорее от меня отвязаться, а потом смотрит на экранчик завибрировавшего смартфона и вскакивает из-за столика. — Все, до понедельника, за мной Костя приехал.

Знаете, даже фразе “Добро пожаловать в ад” я бы сейчас больше обрадовался.

Глава 8.2 Дима

Скачано с сайта <https://bookseason.org>

Полина все-таки уходит, а все, что мне остается — это провожать взглядом её спину. Ну... Как сказать, спину... Мне хочется окликнуть Полли, остановить её, а лучше сгрести в охапку и утащить к себе в берлогу. И все, что есть внутри, не замолкая твердит, что она — моя, и нужно бы оторвать унылому его длинные клешни, раз он тянет их к чужой жене.

И только мозг — точнее его едва живые остатки — устало талдычил: “Дима, ты сам на развод подал. Сам. Так что это уже тебе надо оттяпать клешни. Потому что вот прямо сейчас Полли — женщина этого Кости”. М-мать, как же тошно.

Аж аппетит испортился. Если честно, так хотелось перекусить именно в компании Полли, что после её ухода на еду даже смотреть неприятно.

Разумеется, есть два выхода. Можно и самому забить на работу и поехать домой. Там, наверное, уже приехала Вера, и если прикрыть глаза — то сбросить напряжение наверняка получится. Хоть это и по-свински по отношению к девушке, но есть такие моменты, когда ничего с собой поделаться я не могу. Выполоть из мыслей Полли я как раз не в силах. Черт возьми, а ведь раньше я думал, что сильнее. Что меньше от неё завишу. Как оказывается — это все равно до той поры, как Полли начинает регулярно появляться на моей орбите.

Второй выход я пытаюсь претворить в жизнь. Возвращаюсь в свой кабинет и пытаюсь работать. Действительно пытаюсь, тем более что желательно ко вторнику подготовить и сдать сценарии для трех эпизодов сериала, а то мне же напомнят, что вообще-то за опоздания и сдачу сценариев с задержками мне могут долбануть санкции. Например, могут послать ноту протеста Илье, что он меня от основной работы отвлекает. А потом впасть мне неустойку за простой оборудования.

Нет, я старался. Я очень старался. Вот только к третьему часу зависания на одном и том же эпизоде, который я переписывал четырнадцать раз, установив новый рекорд творческого ступора, пришлось признать свое техническое поражение.

Нет, все-таки надо к психиатру, мда. Зацикленность — это очень плохо.

Мысли все равно сворачивают к Полли. Что она сейчас делает? Отдохнула ли уже? Или, может, у неё с её Костей нарисовались планы? Или её позвали герои из её книжки, вот она и решила предпочесть их моей сомнительной компании? Ну а что, я бы на её месте, пожалуй, предпочел бы!

Хочу её увидеть, до того, что аж дышать не хочется. И спасу никакого нет от этого настырного желания.

Только увидеть, ничего больше!

Ох-хо, я об этом пожалею...

Ну в конце концов, почему нет-то? Ну, не сожру же я её. Не украду. В постель тащить не собираюсь. И унылого её не придушу даже, вот где настоящий героизм и сила выдержки. Бесит же, ужасно!

Я не могу заявиться к Полли просто так, мне нужен повод. Причем желательно, чтобы повод был стоящий, а не “я ехал мимо и решил заглянуть, вдруг ты уют не выключила”.

Последние главы сценария? Сообразить на понедельник себе какую-нибудь задержку или дела? Или... Нет, это ж мне её лишние два часа придется ждать. Просто: Илья Вячеславович попросил ускориться? В принципе, сгодится. Ну, не будет же Полина звонить Кирсанову и скандалить?

Вариант кстати очень удачный. Согласно правилам информационной безопасности — я не имею права отправлять даже куски сценария по е-мэйлам и соцсетям. И вообще, работа со сценарием должна вестись только в здании телецентра.

В виде исключения, мне разрешается выносить сценарий — распечатанный, в закрытом конверте без опознавательных знаков, правда при этом я не буду упоминать, какой меня ждет штраф, если сценарий я все-таки потеряю и он утечет в Интернет.

Впрочем, никуда он не утечет, доеду до Полли, передам из рук в руки, под её подпись, может быть, выпрошу чашку кофе. Черт, я даже по её кофе скучаю, потому что лучше Полины кофе не варит ни одна московская кофейня. Если унылый только отвез её домой и уехал на работу — думаю, Полли и не откажет. А может, даже глянет в сценарий, пока я растягиваю чашку кофе на пятнадцать минут. А там, слово за слово — может, и удастся вернуть себе два часа с ней. Или хотя бы час.

На дороге, слава богу, концентрироваться получается, а вот к светофорам у меня сегодня возникает пара вопросов. Они будто караулят, когда к ним подъеду именно я, чтобы взять и перемигнуть на «красный», и мурыжить меня перед пешеходкой целую маленькую вечность.

Как пацан. Вот правда. И лихорадит от предчувствия ужасно. Будто не на одну мимолетную встречу еду, а на поздний ужин, переходящий в завтрак. Ох, Полли, сумасшествие ты мое, знала бы ты, как я сейчас изгаляюсь ради того, чтобы ты послала меня к черту — наверняка занялась бы изобретением пары новых матерных словечек, чтобы послать меня еще дальше.

Полли живет в городе. Нет, у неё есть и загородный дом, насколько я знаю, но студии она оставила городской адрес, и это хорошо. Обосновать необходимость поездки за город я смог бы с куда большим трудом. Да и, честно говоря, хотелось добраться до неё побыстрее.

У подъезда Полины я, если честно, замираю и топчусь некоторое время, прежде чем подойти к двери и нажать кнопку вызова на домофоне.

Что если её вообще нет дома? Ехать обратно на студии или, может, посидеть и подождать? Ну, должна же она вернуться сегодня, так? Или она поехала к своему Косте? Ой, паршивый вариант, сразу руки зачесались...

Хотя, с чего я вообще взял, что ей нужно к нему ехать, в конце концов, может, они уже вместе живут? Вариант этот мне и моим кулакам нравится еще меньше.

Может, все-таки не стоит? Я ж могу не удержаться, наверное... Особенно если ублюдок при мне Полину хотя бы раз обнимет, ох, тогда сдержаться и не дать ему по морде будет действительно сложно.

Так, нет, это вообще никуда не годится.

Димка Варламов, конечно, так костенел при мысли о Полине Ивановой, а Дмитрий Денисович так делать не будет. Взрослый дядечка уже. Не солидно.

“Решительно” набираю на домофоне квартиру “84”, внутренне себя обстебав и сосредотачиваясь. Я же не должен выглядеть подозрительно. И телячьими глазами на Полину смотреть тоже не должен. И вообще сейчас должен четко обосновать, на кой черт приперся.

Домофонный замок пищит, впуская меня в дом. Вот так просто? У Полины что, видеозвонок?

Ну, с богом, что ли?

Глава 9.1 Полина

Как бы мне ни хочется приступить к реализации своих эротических планов без задержек, Костю мне приходится все-таки отпустить на работу, чтобы неторопливо, и очень с большим вкусом приступить к приготовлению ужина. В конце концов, это мне необходимо, чтобы подготовки своего настроения.

Прошло то время, когда я могла настроиться на секс без каких-то ритуалов. Увы, не двадцать лет, сердечко уже не пылает. Сейчас его уже не обманешь, не заставишь провалиться в мужчину без остатка, но вот вам неприятная побочка — секса разочарованной мне хочется не так уж и часто. Гораздо реже, чем его хочется Косте. И я вроде понимаю, что с ним уже даже не первый год в отношениях, что надо бы уже построиться под него, а все равно, что-то не получается. Не заводжусь. Точнее заводжусь, но вот с этими вот всеми плясками вокруг постели.

Сегодня день исключительный. То ли луна в созвездии Венеры, то ли мне очень не хватало зрелища крепкой мужской спины, но... Мне хочется, да.

И я очень многообещающе целую Костю на прощанье и мурлычу ему, чтобы разгребался на работе побыстрее, потому что я его буду очень ждать.

Очень-очень, котик.

Костя косится на меня с изумлением, но кажется польщенным. Улыбается, и обещает сделать, все, что возможно. Ура!

Итак, ужин. Который я готовлю неторопливо, медитативно, сбрасывая Косте какое именно ему следует прихватить вино к цыпленку. Люблю колдовать на кухне, врубив какую-нибудь романтическую музыку и пританцовывая во время нарезания салата. Как я еще пальцы себе не оттапала? Не знаю. Привычка, наверное.

Несложный салат и цыпленок в медовом соусе. Я бы вообще обошлась только салатом, но мужчина приходит с работы точно голодный, так что...

Готовить я люблю. Хотя, честно говоря, до нормальной готовки у меня дело доходит сейчас нечасто. Ага, зажралась и пользуюсь доставкой еды. Хорошей доставкой, с домашней кухней, сбалансированным рационом и посчитанными калориями у каждого блюда. Шикарный вариант, на самом деле. И для работы остается достаточно времени.

И все-таки готовить я любила всегда. Для Сами-Знаете-Кого готовила много и часто — нам тогда покупка готовой еды казалась признаком зажравшегося человека, а сейчас я понимаю — нифига. Нифига я не зажралась, я просто слишком много работаю. И иногда хочется, знаете ли, отчебучить что-то такое, что мужчина с удовольствием захомячит, да еще и недоверчиво спросит — неужели ты сама этот шедевр приготовила. Ага, сама. Я еще и на кулинарные курсы шлялась время от времени. И никто не бубнит, что ты после ужина норовишь к компу кинуться. Накормила — имею право вообще-то. Хотя ладно, сегодня я к клавиатуре торопиться не буду! «Бабочку-многодневку» я все равно уже почти закончила. Один вечер я могу и своей личной жизни посвятить.

Пока цыпленок томится в духовке на о-о-очень медленном огне — я принимаю душ. Депиляция, маска для лица, выдернуть пару непослушных волосков из бровей — в общем, стандартный пакет процедур, чтобы чувствовать себя идеальной.

Сколько времени я уже с Костей? Два года? Капец. Капец, как долго он терпит радиоактивное количество моих тараканов. Никуда не торопит, ни на чем не настаивает, не выносит мозг. И вроде пора уже. Пора довериться, Полли. Да, он не сносит тебе крышу, но не хватило ли тебе четырех лет, которые прожила “со снесенной крышей”? Вот это — спокойное, умеренное, ровное — это то, что нужно же.

Нужно.

Сказать-то на самом деле безумно легко, а куда деваться от этого настойчивого ощущения, что “не то”? Не то меня обнимает, не то со мной спит, не то со мной разговаривает.

А кто то, Полли? Смешно. Смешно даже сравнивать Костю с Варламовым, потому что у последнего одни только недостатки, а у первого — достоинства. И все же почему я такая дура, а?

Серьезно. Варламов же меня еще своими регулярно сменяющимися девочками заколебал. Такое ощущение, что за нас двоих отдувался. Первый год меня из-за этого особенно сильно крыло, на самом деле.

Ну, вот посудите сами. На развод твой заветный подал, напоследок сказал, что ты стала ужасно скучной, а потом пустился во все тяжкие, сменяя одну девицу за другой... А ты сидишь, вся из себя такая скучная, дома и не знаешь как тебе жить дальше вот с этим.

И вот с этим мне сравнивать мой тихий причал, Костю Анисимова? А не многовато ли чести для упыря Варламова?

Так, все, стоп, этот вечер принадлежит Косте. Ни о каких мудаках я сегодня думать не буду. Мне их в сценарной работе хватает за глаза. Так что, Полли, вычисти из мыслей ненужный мусор, особенно смазливую физиономию этого мусора и сосредоточься на вечере. У тебя в программе романтический ужин, надежный мужчина и секс. Что тебе еще нужно вообще?

И все-таки, какая же забавная штука — это эротическое настроение. Когда ты расставляешь по комнате свечи и включаешь свой любимый медляк не потому что тебе без этих свечек прям не жить, и в постель не упасть, а просто потому что это дань ритуалу. Без неё не хочется. Можно конечно, но это же насколько должно сорвать крышу от страсти? Так только в кино бывает, да у молодых балбесов с кипящей кровью. Но предвкушение — вот это легкое, щемящее ожидание удовольствия от всего этого вечера все-равно разливается по крови. Соскучился не только Костя. Соскучилась и я сама, видимо. Потому что, ну а почему еще я

так взволнована? Давненько так не было., я аж припомнить не могу

Когда звонит звонок у домофона я удивленно кошусь на часы. Ничего себе...

Кажется, Элька права и я действительно слишком часто Костю динамлю, иначе? почему еще он примчался так рано? Ну и ладно, рано так рано, так даже лучше. Я уже готова, все-равно. Остается только свечи зажечь и тарелки с кухни принести.

Ну ведь лестно же, что мужик так по тебе соскучился, что даже от начальства так старательно отбрехался и явился по твою душу и тело так скоро. Бегу открывать!